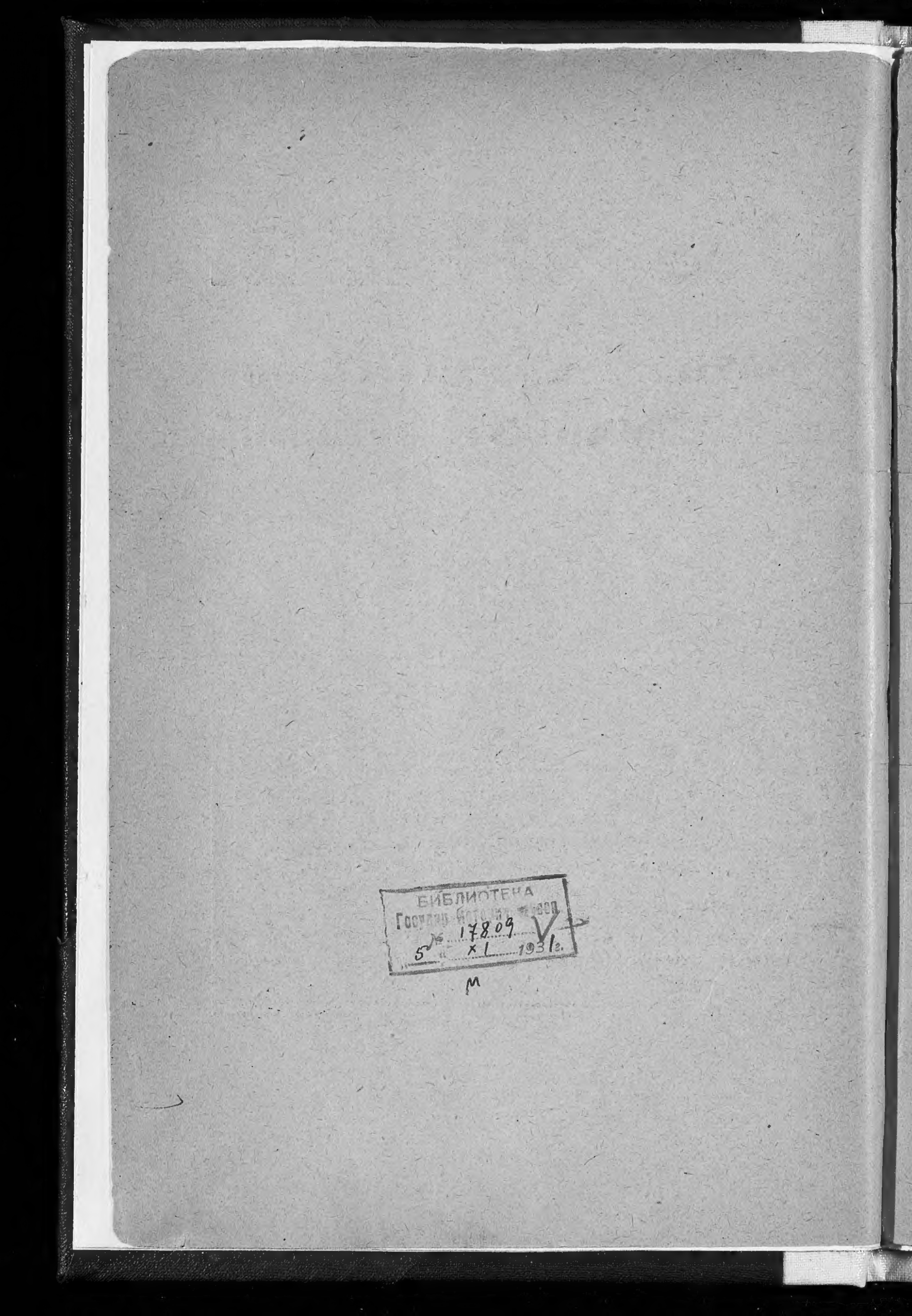
ВЪ ОГНѢ.

БОЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ УЧАСТНИКОВЪ ВОЙНЫ.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНІЕ. — СТРАШНО НАЧАЛО. — НАКАНУНѢ БОЯ. — ПОДЪ ЛЬВОВОМЪ. — У ТОМАШОВА. — КАКЪ СРАЖАЮТСЯ АВСТРІЙЦЫ. — ПИСЬМО ДОБРОВОЛЬЦА. — РУССКІЕ И НѢМЦЫ. — КУЗЬМА КРЮЧКОВЪ. — ПОДВИГЪ ГУСАРА. — ВЗЯТІЕ ОРУДІЯ. — ГЕРОЙ ВЕЛОСИПЕДИСТЪ. — ВЪ ПЛѢНУ. — ПОДВИГИ КАЗАКОВЪ. — БОЙ ВЪ ОБЛАКАХЪ. — РѢДКІЙ ГЕРОЙ. — ВЪ ПОЛЬШѢ. — КАЗАЦКАЯ ПИКА. — ЮНОША ГЕРОЙ. — СИМВОЛИЧЕСКІЙ ТРОФЕЙ. — КОРОЛЬ СОЛДАТЪ. — ГЕРОЙ ЛЬЕЖА. — РАЗСКАЗЫ РАНЕНЫХЪ И ПРОЧ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Т-ва „ГРАМОТНОСТЬ", 5-ая Рождественская, 44.
1914.

БИБЛИОТЕКА
№ 17809 V
5 XI 1931 г.
М

БОЕВОЕ КРЕЩЕНІЕ.

(Изъ разсказа раненаго).

Нашъ полкъ подвигался довольно быстро—верстъ по 18—20 въ сутки, останавливаясь лишь на ночлегъ и для обѣда .

Издали доносилась трескотня ружейной перестрѣлки,—это передовые разъѣзды «обмѣнивались привѣтствіями» съ непріятельскими разъѣздами.

Наконецъ, въ воскресенье около 12 часовъ дня было приказано остановиться. Разнесся слухъ, что разъѣзды «нащупали» болѣе значительныя нѣмецкія силы.

Около 4 часовъ дня, подвигаясь перебѣжками, сначала повзводно, затѣмъ звеньями, добрались мы до пунктовъ позволяющихъ обстрѣливать непріятельскіе окопы.

Огонь открыли на двѣ тысячи шаговъ. Зажужжали пули и солдатики, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, сосредоточенно занялись обстрѣливаньемъ окоповъ противника, выбирая мишенью каждый выдающійся бугорокъ.

Когда непрерывными перебѣжками добрались шаговъ на 800 и начали ясно различать нѣмецкіе окопы, то замѣтили, что нѣмцы бросаются на хитрость: втыкаютъ въ землю штыки и надѣваютъ на нихъ каски.

Хитрость эта была замѣчена и привела всю цѣпь въ шутливое настроеніе.

Несмотря на все учащавшіеся случаи попаданія непріятельскихъ пуль, перестрѣлка уже не производила никакого впечатлѣнія; каждый какъ-то сосредоточился на линіи непріятельскаго бруствера и зорко слѣдилъ, гдѣ покажется бугорокъ бритой нѣмецкой головы.

Я отчетливо видѣлъ, какъ послѣ одного моего удачнаго выстрѣла, надъ окопомъ взметнулись двѣ руки и сразу скрылись за окопомъ.

Сердце радостно забилось,—ага,мерзавецъ, одной винтовкой меньше!

Именно, мысль мелькнула не о «человѣкѣ», который стрѣлялъ, а о той «винтовкѣ», которую мнѣ удалось заставить замолчать и не посылать въ наши ряды назойливо жужжавшія пули.

Съ каждой новой перебѣжкой сердце начинало тревожно колотиться, нетерпѣливо ожидая кульминацiоннаго пункта боя,—команды «ура». Съ этимъ моментомъ у меня соединялось представленіе, какъ о волшебномъ моментѣ, когда «обязательно» долженъ прекратиться этотъ убійственный огонь и непріятель въ паникѣ и безпорядкѣ бросится бѣжать, позиція будетъ занята нами и можно будетъ нѣсколько отдохнуть отъ трехчасоваго страшнаго нервнаго напряженія и привести свои мысли...

Ни на одну секунду у меня въ головѣ не промелькнула мысль, что ударъ нашей атаки окажется недостаточнымъ, что насъ встрѣтитъ сильный отпоръ, что придется отступить...

Наконецъ, рѣшительный моментъ наступилъ. Съ праваго фланга сперва слабо и неясно, затѣмъ громче и ближе перекатами понеслось знакомое «ура».

Сердце на мгновеніе перестало биться, кровь быстро ударила въ голову затѣмъ, какъ-то сразу отхлынула и я почувствовалъ необычайный приливъ энергіи, крѣпко сжалъ въ рукахъ винтовку и намѣтивъ глазами передъ непріятельскимъ окопомъ маленькую ложбинку бросился бѣжать, какъ можно скорѣе...

Когда наша цѣпь очутилась шагахъ въ сорока отъ траншей, нѣмцы начали выскакивать изъ окоповъ и, бросая оружіе, подымали руки вверхъ... Мы остановились, держа все-таки ружья на-перевѣсъ.

Тяжело дыша, мы медленно подымались изъ ложбинки на окопъ, но лишь только первая цѣпь поднялась надъ уровнемъ бруствера, какъ произошло нѣчто необычайное и совершенно неожиданное.

Первые ряды безоружныхъ нѣмцевъ бросились бѣжать, стоявшіе позади батальоны и нѣсколько пулеметовъ встрѣтили насъ такимъ свинцовымъ дождемъ, что солдаты начали падать цѣлыми рядами.

Мы снова залегли въ окопахъ и начали перестрѣлку, пока не подошла наша артиллерія и не сбила непріятельскіе пулеметы.

Теперь, чувствуя вокругъ стоны многочисленныхъ раненыхъ, сердце уже закипало злобой къ этимъ подлымъ людишкамъ, было до слезъ жалко такъ предательски убитыхъ това-

рищей, ставшихъ вдругъ такими близкими и дорогими сердцу въ своихъ сѣрыхъ запыленныхъ блузахъ, выпачканныхъ на груди землей отъ стрѣльбы лежа.

Казалось, если бы сейчасъ настигнуть въ атакѣ «подлаго нѣмчура», то я былъ бы способенъ зубами перегрызть каждому изъ нихъ горло.

Страшно начало.

Письма съ войны лишній разъ подтверждаютъ беззавѣтное мужество нашихъ войскъ.

Участникъ войны, г. Ш-нъ, получившій боевое крещеніе, пишетъ: «За три дня до боя мы знали, что намъ предстоитъ горячая схватка съ непріятелемъ. Эти три дня надолго останутся у меня въ памяти. Я по природѣ не трусъ, но, тѣмъ не менѣе, каюсь—пріунылъ. Невольно мнѣ вспомнились тѣ, кто былъ обреченъ и ждалъ смерти въ опредѣленный срокъ... Мои товарищи-однополчане какъ-то притихли. Большинство было занято писаніемъ прощальныхъ писемъ къ роднымъ и знакомымъ. Нашъ общій съ вами знакомый, Петръ Васильевичъ, тоже усѣлся за письмо. Спрашиваю:—Кому пишешь?—Дарьѣ... (это его бывшая прислуга).—О чемъ?—Прощаюсь и прошу, чтобы моего Лорда берегла... (Лордъ, это—его лягашъ). Отошелъ отъ него съ еще большей тяжестью на сердцѣ. Въ такомъ кошмарѣ прошло три дня. Въ тотъ день, когда намъ предстояло идти на врага, рано утромъ мы получили приказъ о выступленіи. Молча, сосредоточенно- угрюмо вышли мы изъ лагеря. Часа черезъ три о нашей угрюмости не было и помина. Мы дрались съ нѣмцами, забывъ обо всемъ. Бой былъ горячій. Многіе не вернулись. Петръ Васильевичъ тоже. Еще болѣе пало враговъ. Возвратились мы съ боя усталые. Насъ зовутъ къ котламъ съ пищей, но намъ не до пищи. Устали отъ пережитаго, и хочется только одного—уснуть, забыться... Для отдыха былъ данъ намъ день, послѣ чего предстояла новая схватка. И вотъ тутъ-то проявилась странность натуры человѣческой. До боевого своего крещенія мы испытывали, не скажу—страхъ, а нѣкоторое смущеніе передъ неизвѣстностью, а теперь, мы были веселы, шутили, никому и въ голову не приходило писать прощальныя письма. Отъ прежняго унынія не осталось никакого слѣда. Выступили мы изъ лагеря съ пѣснями. Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ можетъ привыкнуть... даже умирать съ пѣснями. Его страшитъ только начало, а потомъ ему все нипочемъ»...

ПЕРВЫЙ РАЗЪ ВЪ БОЮ.

(Разсказъ раненаго).

— Не назову части, гдѣ служу,—такъ началъ свой разсказъ раненый офицеръ-артиллеристъ,—не назову даже мѣста, гдѣ мы дрались... намъ воспрещено объ этомъ говорить... Но о томъ, что я пережилъ въ бою, я могу вамъ разсказать.

— Въ мирное время трудно постичь, — что такое — дѣйствительный бой... Знаю, что я долженъ наводить орудія; знаю, что я долженъ стрѣлять въ непріятеля; знаю, что, чѣмъ больше я выведу изъ вражескаго строя солдатъ, тѣмъ лучше для меня и для нашей арміи. Это, если хотите знать,—конечная цѣль всякой арміи... Но все это только въ теоріи, въ сознаніи моего «я», но въ чувство это сознаніе не отложилось... и поэтому моя совѣсть спокойна... нѣтъ страданій...

Но вотъ объявили войну, нашу бригаду отправили на театръ военныхъ дѣйствій... Охотно иду я, охотно идутъ другіе. Всѣ думаемъ одно и то же. Стрѣлять въ непріятеля и выводить какъ можно больше изъ строя.

Пришли. Намъ сказали, что завтра утромъ начинается бой, указали мѣсто, вручили начальнику бригады планъ дѣйствій нашей артиллеріи. И отъ этого момента въ душу проникъ ужасъ. Не страхъ за себя, не трусость передъ врагомъ, а какой-то безотчетный трепетъ передъ чѣмъ-то неизвѣстнымъ.

Въ шесть часовъ утра мы открыли огонь по невидимому, но предполагаемому непріятелю... Къ полудню намъ сказали, что цѣлый нѣмецкій корпусъ старается обхватить наше правое крыло... Намъ скомандовали: направо-маршъ!, и мы пошли. Занимаемъ новыя позиціи и ждемъ. Вдругъ видимъ: идетъ непріятель. Одновременно непріятельская артиллерія открыла противъ насъ огонь. Навожу орудіе, отдаю приказъ, а самъ чувствую себя точно въ кошмарномъ снѣ. Въ четвертой батареѣ начинаютъ таять наши офицера... Я—въ третьей батареѣ. У насъ пока безъ потерь, Вижу, нѣмцы пошли въ атаку! Одинъ полкъ, другой... Навожу орудіе, пускаю снарядъ... въ самую гущу перваго полка... потомъ второй снарядъ, третій... Вижу, какъ падаютъ люди, вижу даже, какъ взлетаютъ кверху разорванныя на части трупы...

Проходитъ полчаса... Одинъ полкъ непріятеля разстрѣлянъ, разстрѣлянъ второй, а я все навожу и стрѣляю... Нервная дрожь исчезаетъ, я прихожу въ ярость и безъ всякаго состраданія палю въ непріятеля... А онъ все подступаетъ, и все ложится. Я не понимаю вражескаго маневра. Но что мнѣ онъ

сейчасъ? Что мнѣ его замыслы? Я занимаю удачную позицію и кошу его, точно крѣпкій батракъ, съ косою въ рукахъ забравшійся на густое клеверное поле.

Въ первую ночь уснуть не могъ. Какъ-то невольно рисуется въ глазахъ: поле сраженія... идутъ нѣмецкіе полки, а я стрѣляю въ самую гущу людей... взлетаютъ кверху руки, ноги, головы, цѣлыя туловища... Страшно подумать...

НАКАНУНѢ БОЯ.

(Изъ солдатскаго письма).

Г-жею Х. получено отъ своего б. лакея, нынѣ нижняго чина дѣйствующей арміи, письмо, характеризующее настроеніе взятыхъ изъ запаса поляковъ.

«Мы считаемъ часы и минуты, когда, наконецъ примемъ участіе въ войнѣ, и ждемъ только команды итти въ бой.

Мнѣ не страшно. Жаль только, что не успѣлъ попрощаться съ родными и знакомыми.

А такъ живемъ весело и бодро. Офицеры придаютъ намъ храбрости. Не такъ уже страшенъ австріецъ, какъ его рисуютъ.

Нашимъ войскамъ удалось уже взять въ плѣнъ не мало австрійцевъ. Скоро и мы пойдемъ въ бой со штыками въ рукахъ.

Какъ подумаю, что придется итти подъ градъ пуль и на штыки, такъ мурашки по тѣлу забѣгаютъ. Но вотъ приходитъ офицеръ. Садимся вокругъ него, и онъ намъ разсказываетъ разные случаи изъ прошлыхъ войнъ, изъ войны съ Японіей, а иной разъ и смѣшное что-нибудь скажетъ.

Въ ожиданіи боя солдаты собираются группами и только и толкуютъ о томъ, какъ это будетъ въ бою, когда завизжатъ пули со всѣхъ сторонъ. Одинъ поетъ, другой задумался, третій пляшетъ. Всѣ, однако, на-чеку: во снѣ бредятъ, ругаются. Спишь, насторожившись: не кричатъ ли на врага. Спимъ, не раздѣваясь, въ амуниціи, гдѣ придется—на травѣ или въ другомъ мѣстѣ.

Тяжела жизнь солдатская, но я присягалъ перенести всѣ тягости и долженъ все терпѣливо перенести.

Мучитъ меня только, что не отдалъ я вамъ своего долга. Если вернусь, непремѣнно отдамъ, а если не вернусь, то простите мнѣ его»...

РАЗСКАЗЪ РАНЕНАГО ОФИЦЕРА.

«Раненъ я былъ, когда мой разъѣздъ завязалъ перестрѣлку съ непріятельскимъ.

Въ первый моментъ я не замѣтилъ раны, почувствовалъ только, что въ ногу что-то ударило, но когда подо мной была убита лошадь, я упалъ и не могъ подняться. А нѣмцы нѣкоторое время старались таки меня добить. Пули такъ и свистѣли. Когда немного стихла стрѣльба, я поползъ. Тутъ меня замѣтилъ корнетъ нашего же полка. Подъ огнемъ онъ подскакакъ ко мнѣ, посадилъ къ себѣ на коня и вывезъ изъ огня. Недѣльки черезъ двѣ надѣюсь опять въ строй. Вотъ только сѣдло придется купить.

Встрѣчаться мнѣ приходилось только съ непріятельской конницей. Это кирасиры и уланы. Рослый, прямо громадный народъ и одѣтъ въ хаки. Все очень хорошее и мундиры и рейтузы цвѣта хаки, а сапоги желтые. На головахъ у кирасиръ каски, а у уланъ кивера. И то и другое въ защитнаго цвѣта чехлахъ. Довольно курьезное впечатлѣніе.

И мы, и они при встрѣчѣ конныхъ небольшихъ частей стрѣляли съ коня.

Въ началѣ они легко попадали въ плѣнъ.

Штыка у нихъ совсѣмъ нѣтъ, кабинъ короткій, много короче нашей винтовки съ пятипатроннымъ магазиномъ. А ужъ палаши у нихъ совсѣмъ игрушечные. Мы прозвали ихъ «Дойниковскими».

Очевидно, что Германія въ этомъ мѣстѣ совсѣмъ не ожидала нашего рѣшительнаго наступленія.

Мы застали въ странѣ массу зерна, сѣна, живности всякой, массу лошадей и частенько ловили ихъ.

Только жители разбѣжались.

А гдѣ не разбѣжались, тамъ ведутъ себя подлецами. Пріѣзжаешь съ разъѣздомъ въ селеніе. Сидитъ на лавкѣ бородатый пруссакъ-ландштурмистъ, шапку снимаетъ, кланяется. А чуть проѣхалъ, выхватываетъ изъ подъ лавки ружье и стрѣляетъ въ спину.

Дѣло въ томъ,что всему ландштурму (ихъ ополченіе) роздано оружіе — ружья старыхъ системъ, револьверы; а то стрѣляютъ изъ охотничьихъ ружей, изъ монтекристо... Одинъ солдатъ изъ нашего эскадрона раненъ былъ охотничьей картечью. Случалось проходить сквозь стрѣляющія деревни. Изъ всѣхъ оконъ пальба.

Понятно, что въ такихъ случаяхъ мы не церемонились.

Приходилось мнѣ отъ очевидцевъ слышать, какъ они добиваютъ нашихъ раненыхъ. Отъ нихъ можно какой угодно пакости ожидать. Бываютъ исключенія, но очень рѣдко. Вотъ, когда я былъ раненъ, произошелъ такой случай: со мной вмѣстѣ былъ раненъ рядовой. Корнетъ, вывезшій меня, не могъ посадить на одну лошадь еще третьяго, и раненый остался. Часа черезъ два, когда наши получили подкрѣпленіе и выбили нѣмцевъ изъ того мѣста, гдѣ я упалъ, раненаго рядового нашли перевязаннымъ и покрытымъ попоною... Но это ужъ, навѣрно, не пруссаки сдѣлали. Тѣ бы пристрѣлили.

Случалось, что кидался и одинъ нашъ молодецъ и прогонялъ пятерыхъ и болѣе нѣмецкихъ кирасиръ и уланъ.

Бывали славные случаи. Одинъ нашъ кавалеристъ былъ посланъ съ донесеніемъ, на него неожиданно напали три улана. Онъ не растерялся, мигомъ справился: одного пикой проткнулъ, другого шашкой зарубилъ (пики некогда было выдергивать), а третій ускакалъ. Молодчина снялъ съ убитыхъ снаряженіе и привезъ эти трофеи вмѣстѣ съ донесеніемъ.

Огня нѣмецкіе кавалеристы не выдерживаютъ.

Однажды разъѣздъ въ семь человѣкъ при офицерѣ, въ перестрѣлкѣ со взводомъ нѣмецкой конницы, человкъ 20—25, потерялъ убитыми и ранеными четырехъ коней. Нѣмцы было кинулись. Тогда наши привязали трехъ коней къ дереву, пѣшіе залегли и открыли бѣглый огонь. Нѣмцы бросились врассыпную. Тѣмъ временъ плохо привязанные кони разбѣжались. Не ловить же ихъ. Тогда наши, прогнавъ нѣмцевъ, пѣшкомъ вернулись къ эскадрону. Вообще наши солдатики ведутъ себя молодцами».

ПОДЪ ЛЬВОВОМЪ.

Одинъ изъ раненыхъ, полковникъ, передаетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ послѣднихъ боевъ.

— Австрійцы—трусы. Несмотря на численный перевѣсъ, они отступаютъ—немедленно сжигаютъ свои дома.

Наши войска на своемъ побѣдномъ пути заставали въ оставленныхъ австрійскихъ деревняхъ сплошную пустыню. 15-го августа возлѣ деревни Жуково подъ Львовомъ показались австрійцы. Наши открыли огонь и австрійцы стали отступать.

Полковникъ 15-го августа находился въ отрядѣ, посланномъ на развѣдки, гдѣ находились непріятельскіе отряды. Пройдя до деревни Жуково, онъ убѣдился, что тамъ сосредоточена австрійская кавалерія. Надъ головами русскихъ воиновъ свистѣли пули, но наши войска не замѣчали ихъ и наступали на врага. Огонь сталъ усиливаться! Тогда наши войска открыли стрѣльбу по непріятелю. Не прошло и десяти минутъ, какъ австрійцы отступили, очистивъ деревню.

Когда наши войска вошли туда, то тамъ никого не было. Нѣсколько австрійцевъ были взяты въ плѣнъ. Нашимъ солдатамъ очень хотѣлось увидѣть австрійца. Видъ австрійцевъ былъ изможденный.

Обмундировка у австрійцевъ похожа на нашу. Только шапки у солдатъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ съ козырьками съ обѣихъ сторонъ, цвѣтъ хаки и на околышѣ красная лента, а у запасныхъ чиновъ шапки безъ козырковъ.

Сапоги у солдатъ на дѣйствительной службѣ черные, покороче нашихъ, а у запасныхъ желтые, при чемъ брюки застегнуты до низу. Пули у австрійцевъ такія же, какъ наши, только обоймы меньше нашихъ! Бодрость духа, и страшное желаніе нашихъ солдатъ вступить въ бой совершенно обезкураживали австрійцевъ.

Полковникъ раненъ въ лѣвую ногу на вылетъ. Отославъ вѣстовыхъ на развѣдку, онъ наткнулся случайно на четырехъ австрійскихъ кавалеристовъ. На разстояніи нѣсколькихъ шаговъ австрійцы начали цѣлиться въ него въ упоръ. Полковникъ взмахнулъ саблею и австріецъ упалъ замертво. А тѣмъ временемъ выстрѣломъ изъ револьвера полковникъ ранилъ двухъ другихъ австріаковъ, причемъ одинъ изъ нихъ прострѣлилъ лѣвую ногу полковнику. Когда прибыли вѣстовые, полковникъ на рукахъ вѣстовыхъ былъ отнесенъ въ лазаретъ. Общее мнѣніе, по словамъ полковника, что русскіе

солдаты совершенно сроднились со своими начальниками-офицерами. Русскіе солдаты проявляютъ въ полномъ смыслѣ чудеса храбрости и рвутся въ бой.

Отступленіе австрійцевъ, сопровождаемое поджогомъ своихъ деревень и городовъ, приводитъ нашихъ солдатъ въ ярость.

КАКЪ СРАЖАЮТСЯ АВСТРІЙЦЫ.

Австрійцы шли сомкнутыми рядами, кавалерія по бокамъ во взводныхъ колоннахъ, и наши ихъ косили лихо. Кавалеристы, завидѣвъ казаковъ, одной рукой закрывали глаза, а другой только отмахивались шашкой... Когда теряли шашку, хватались за револьверы, и потому у нашихъ раны, главнымъ образомъ, отъ тупыхъ ударовъ. У насъ потери поэтому почти всегда незначительны. На десятокъ нашихъ раненыхъ приходится 40 австрійцевъ.

Австрійцы успѣли уже выказать во всей полнотѣ свой подлый характеръ. Когда мы пошли собирать раненыхъ, они стали отстрѣливаться изъ револьверовъ, кто былъ въ силахъ, конечно. Такъ поступали всѣ—и рядовые, и офицеры, и даже мадьярскій генералъ. Тотъ выстрѣлилъ въ казачьяго эсаула, да промахнулся.

...Австріцевъ передъ сраженіемъ подпаиваютъ, разсчитывая, что пьяные они будутъ храбрѣе драться. Отъ раненыхъ и плѣнныхъ австріяковъ, несетъ какъ изъ виннаго погреба. Нѣкоторые еле на ногахъ держатся. Наши же о винѣ перестали и думать.

Австрійцы сдаются въ плѣнъ толпами, безъ всякаго сопротивленія.

ПОДРОБНОСТИ БОЯ У ТОМАШОВА.

Въ Кіевъ прибылъ офицеръ, раненый въ бою близъ Томашова, Люблинской губерніи.

Раненый офицеръ разсказываетъ:

— Бой продолжалоя около трехъ сутокъ.

Лѣвое крыло австрійцевъ, дѣйствовавшихъ пулеметами, стало надвигаться на наше правое крыло.

Трескъ пулеметовъ совершенно заглушалъ слова команды и не давалъ возможности дѣлать распоряженія. Но наши солдаты, благодаря прекрасной подготовкѣ, обнаружили громадную инициіативу.

Когда стала приближаться австрійская пѣхота наши солдаты, не ожидая команды, сами стали опредѣлять прицѣлъ, показавъ себя при этомъ отличными стрѣлками.

Огонь нашей пѣхоты выбилъ изъ строя австрійскихъ офицеровъ, и вызвалъ въ ихъ рядахъ полное смятеніе. Затѣмъ пошла стрѣльба вразсыпную.

Наконецъ, мы бросились въ атаку.

Австрійцы стали поспѣшно выбрасывать бѣлые флаги.

Когда мы совсѣмъ приблизились къ непріятелю, то замѣтили, какъ австрійцы бросали оружіе и сдавались въ плѣнъ.

Нами взято въ плѣнъ 700 человѣкъ.

Среди нихъ не оказалось ни одного офицера. Всѣ они были перебиты нашими стрѣлками.

Такіе случаи повторялись и въ дальнѣйшемъ.

Какъ только австрійскій полкъ лишался офицеровъ, австрійцы выбрасывали бѣлый флагъ, бросали оружіе и сдавались въ плѣнъ.

Австрійцы, прекрасно пользуясь пулеметами и артиллеріей, совсѣмъ не выносятъ штыковой атаки, уклоняются отъ нея и поспѣшно сдаются въ плѣнъ.

Вблизи Замостья мы стали пробираться къ австрійскимъ позиціямъ.

Насъ встрѣтилъ дождь пуль.

Мы ползли на животѣ.

Когда мы оказались въ ста шагахъ отъ австрійцевъ, наши солдаты не выдержали и съ криками «ура» бросились на австрійцевъ.

Атакованные немедленно выбросили бѣлый флагъ.

Остальные части бросились въ паническое бѣгство, оставивъ намъ, кромѣ плѣнныхъ, много орудій, обозъ, денежный ящикъ и двѣ корзины съ солдатскими письмами.

У СОКАЛЯ.

Нѣмецкія газеты описываютъ дѣйствія у Сокаля, какъ свою побѣду. Что это — ложь, явствуетъ даже изъ краткихъ выписокъ изъ писемъ офицеровъ, бравшихъ Сокаль. «Русскій Инвалидъ» приводитъ эти выдержки.

«29-го іюля утромъ мы перешли границу. Я былъ въ аван-

тардѣ съ казаками. Многіе крестились, когда миновали пограничный столбъ. Вскорѣ наткнулись на пѣхоту. Мелкія части австрійцевъ быстро отступали. Въ д. Скоморохи была первая серьезная стычка. Когда я выѣхалъ на позицію, по мнѣ открыли довольно серьезный огонь. Для вліянія на людей пришлось какъ ни въ чемъ не бывало щипать горохъ—мы были на гороховомъ полѣ. Послѣ нашего огня, австрійцы сразу притихли. Въ деревню я въѣхалъ съ первыми одиночными казаками.

На полѣ валялись убитые. Не забуду перваго убитаго австрійца, на котораго я наткнулся: онъ былъ черенъ, какъ земля, зубы оскалены, пальцы впились въ землю. Въ деревнѣ жители поднесли мнѣ хлѣба и воды.

Потомъ пошли на Сокаль. Въ городѣ была австрійская пѣхота (кажется полкъ) и два съ половиной кавалерійскихъ полка. Съ восточной стороны окопы и загражденія. Подъ огнемъ австрійцы скоро побѣжали. Первыми ворвались въ городъ N...іе драгуны. Когда я проѣзжалъ по улицамъ, меня поразилъ ихъ пустынный видъ: все бѣжало или попряталось, но отдѣльные люди стрѣляли въ насъ изъ оконъ. Съ ними поступали рѣшительно. Потомъ мы взорвали станцію и мосты. Къ вечеру городъ запылалъ въ разныхъ мѣстахъ. Это была жуткая картина. Часовъ въ 11 вечера насъ вывели изъ него. Задача передовой конницы была исполнена».

БОЙ.

(Разсказъ раненаго офицера).

Бой начался на самой нашей границѣ съ Австріей. 10 часовъ утра послышались выстрѣлы. Австрійскія войска, будучи въ превосходныхъ силахъ, заняли лѣсъ, впереди котораго были построены окопы. Лишь только батальонъ остановился на привалѣ, разъѣздъ немедленно сообщилъ о нахожденіи противника въ лѣсу. Тотчасъ же были введены три роты батальона, а четвертая рота оставлена въ резервѣ. Настроеніе солдатъ четвертой роты было повышенное, и всѣ они рвались въ бой. Наконецъ, было сообщено, что резервъ будетъ введенъ ночью. Передать радость солдатъ невозможно. Всѣ они ждали минуты, когда сойдутся съ врагомъ.

Поручикъ находился именно въ четвертой ротѣ. Огонь усиливался. Вдругъ поручикъ почувствовалъ какой-то тупой

ударъ ниже колѣна. Непріятельскія пули продолжали свистать. Возлѣ поручика появился вѣстовой, и они вмѣстѣ отошли къ дереву, и только тогда онъ почувствовалъ, что онъ раненъ въ ногу. Поручикъ съ трудомъ переползая къ перевязочному пункту, замѣтилъ, что австрійцы зашли въ лѣвый флангъ, такъ какъ пули посыпались съ лѣвой стороны. Не имѣя силъ добраться къ лазарету, онъ упалъ и былъ поднятъ санитарами, которые отнесли его къ лазаретной линейкѣ и доставили на эвакуціонный пунктъ.

Въ теченіе дня перевѣсъ былъ на сторонѣ австрійцевъ, но къ 6-ти часамъ вечера австрійцы оставили лѣсъ и окопы и отступили. На другой день бой продолжался съ перемѣннымъ успѣхомъ, а затѣмъ успѣхъ перешелъ на сторону нашихъ, которые разбили цѣлую дивизію и взяли огромное количество австрійцевъ въ плѣнъ.

Несмотря на то, что количество австрійцевъ было въ полтора раза больше нашихъ, побѣда осталась на нашей сторонѣ, а главное въ плѣнъ была взята дивизія, которая начала наступленіе за нѣсколько дней назадъ.

Одежда австрійцевъ значительно темнѣе нашей. Всѣ они въ мундирахъ и шароварахъ, сапогъ нѣтъ, носятъ ботинки, а брюки къ низу застегнуты на пуговицы. Шапки австрійцевъ похожи на прежнія русскія кепи, которыя были во время турецкой войны. Кавалерія въ парадныхъ головныхъ уборахъ.

Особой жестокости къ населенію австрійцы не выказывали. Населеніе, гдѣ проходили австрійскіе разъѣзды не жалуются на ихъ дѣйствія.

Пули у австрійцевъ на подобіе нашихъ, но немного большаго калибра. Въ схваткахъ нашихъ съ австрійскими войсками, примѣненіе ими пуль «думъ-думъ» не было установлено, но зато польскіе соколы употребляютъ разрывныя пули...

Во время прохода нашихъ войскъ населеніе относилось весьма доброжелательно.

По дорогѣ всѣмъ раненымъ было выражено большое сочувствіе. Уходъ за ранеными былъ идеальный. О раненыхъ герояхъ заботятся всѣ, начиная отъ высшаго персонала лазарета до низшаго. Во время слѣдованія поѣзда на станціяхъ крестьяне раздавали всѣмъ раненымъ по бутылкѣ молока, хлѣба, предлагали подушки, чтобы имъ было легче лежать.

РАЗСКАЗЪ КОРНЕТА.

Раненый гусарскій корнетъ подѣлился своими впечатлѣніями:

«Нѣмцы стрѣляютъ паршиво. Мы пошли на нихъ лавой черезъ лѣсъ. Огонь былъ сильный, попаданій совсѣмъ мало, хотя дошли мы на полтораста шаговъ. Ближе не пришлось. Они отступили.

— Какой лавой, черезъ лѣсъ?—спросилъ я.

— Да, лавой; на войнѣ бываетъ то, что странно въ мирное время. Мы дѣлали рекогносцировку, за ночь прошли семьдесятъ верстъ и послали саперъ разрушить мостъ въ тылу противника. Къ мѣсту подошелъ поѣздъ съ охраннымъ батальономъ, и нашъ эскадронъ былъ посланъ обойти его. Шли лавой черезъ крупный лѣсъ. За нимъ поперекъ была дорога съ канавами. По бокамъ дальше мелкіе кусты, еще дальше крупные кусты, среди которыхъ прятались и перебѣгали нѣмецкіе солдаты. Огонь былъ сильный, я выскочилъ со взводомъ на дорогу и пріостановился оглядѣться. Въ это время меня ударило пулей. Я упалъ съ сѣдла и скатился въ канаву. Холодная вода канавы вернула мнѣ сознаніе. Подбѣжалъ вѣстовой и каптенармусъ, и я пошелъ съ ними на перевязку. Лошадь послѣ моего паденія остановилась около меня. Въ домѣ нѣмецкаго фермера мнѣ указали, куда итти къ своимъ.

— Значитъ, эти нѣмцы отнеслись къ вамъ человѣчно?

— Эти—да, но нѣмецкіе солдаты жестоки: они добиваютъ раненыхъ.

— Вы сами видѣли?

— Это было въ той же схваткѣ: раненый солдатъ лежалъ между линіями огня. Онъ былъ раненъ въ обѣ руки. Раненый приподнялся, и нѣмцы стали стрѣлять въ него и добили. Мнѣ разсказывалъ товарищъ о случаѣ въ сосѣднемъ отрядѣ: разъѣздъ подошелъ къ нѣмецкой деревнѣ. Офицеръ выѣхалъ впередъ узнать, занята ли она. Спрошенный нѣмецъ сталъ звать войти въ нее. Дозоры двинулись. Раздались три залпа спрятанной засады. Разъѣздъ остался невредимъ. Исчезли безъ вѣсти только дозоры. Стрѣляютъ нѣмцы плохо.

— Какое впечатлѣніе отъ первыхъ выстрѣловъ.

— На меня никакого особеннаго впечатлѣнія они не произвели. День былъ солнечный. Картина красивая. Обѣ раны мои, очевидно, отъ одной пули. По рѣкѣ нѣмцы пустили моторную лодку, но она попала подъ пулеметы и пошла ко дну.

ПИСЬМО РУССКАГО ВОИНА.

Мать русскаго воина получила отъ сына съ похода письмо, рисующее настроеніе русскихъ героевъ.

«Дорогая мамочка, выступили мы изъ губернскаго города. Улица, по которой мы шли, была вся разукрашена. По всему пути стояли арки съ надписями: «Желаемъ побѣды», «До скораго свиданья, «Добрый путь». Изо всѣхъ церквей выходили крестные ходы и насъ кропили святой водой.

Дамы и дѣвицы осыпали насъ цвѣтами, такъ что мы шли по ковру изъ цвѣтовъ. Народъ провожалъ насъ верстъ за пятнадцать за городъ. Шли вперемежку съ публикой. Статскіе помогали намъ нести винтовки, скатки и мѣшки съ бѣльемъ».

Въ деревняхъ встрѣчали насъ съ колокольнымъ звономъ и крестнымъ ходомъ. Бабы выносили навстрѣчу яйца, огурцы, хлѣбъ, яблоки, квасъ молоко—ведрами. У насъ въ рядахъ есть участники русско-японской войны. Они говорятъ, что никогда не видали такихъ проводовъ. Да, необычаенъ подъемъ духа въ эту войну у нашего народа! Самому легче становится, видя народный патріотизмъ.

Въ одномъ селѣ остановились на ночлегъ и расположились по избамъ. Въ избѣ мы съ товарищами-солдатиками заказали самоваръ, яичницу, молоко. Хозяйка ни за что не хотѣла взять деньги. Вообще по дорогѣ крестьяне все съ радостью намъ отдавали, совершенно безплатно, приговаривая: «кушайте на здоровье».

На всѣхъ привалахъ офицеры обращаются съ нами, какъ съ родными дѣтьми. Въ нашей ротѣ всѣ офицеры удивительно хорошіе и добрые люди.

Дошли мы до станціи желѣзной дороги откуда поѣдемъ въ воинскомъ поѣздѣ.

Чувствую я себя очень хорошо, подъемъ духа у всего полка удивительный. Всѣ здоровы».

Дальше слѣдуетъ просьба не безпокоиться за судьбу сына и увѣренность, что русскія скоро побѣдятъ нѣмцевъ и вернутся съ торжествомъ на родину.

ПИСЬМО ОФИЦЕРА.

„22 августа 8½ час. утра. Наконецъ-то намъ удалось спокойно заснуть ночь.

Послѣдніе дни совершенно не спали, находясь то въ походѣ, то въ сторожевомъ охраненіи.

Главный бой былъ 14 подъ Лощевымъ.

Въ томъ бою мы взяли въ плѣнъ цѣлую дивизію съ 4 знаменами и 25 орудіями; дальнѣйшіе бои были также удачны.

Двѣ ночи пришлось ночевать въ окопахъ; при началѣ разсвѣта начиналась перестрѣлка.

Объ австрійцахъ могу сказать, что наступаютъ они безстрашно и лѣзутъ, лѣзутъ, какъ тараканы, несмотря на нашъ убійственный артиллерійскій огонь, съ другой стороны—они охотно сдаются въ плѣнъ.

Плѣнные говорятъ, что въ первые ряды посылаютъ славянъ, которыхъ сзади подгоняютъ выстрѣлами.

Я все время теперь верхомъ.

Послѣ боя испытываешь странное настроеніе. Какъ только скрылся непріятель, совершенно забываешь, что находишься на войнѣ, словно въ походѣ. Объ ужасахъ боя забыто, словно ихъ и не было.

Страшно было только первыя 5—10 минутъ, а потомъ совершенно ничего не чувствуешь и даже не сознаешь—существуешь ты или нѣтъ, живешь ли ты или уже тебя нѣтъ. Находишься въ какомъ то азартѣ; но зато вечеромъ какой упадокъ силъ!

Послѣ перваго боя, сидя уже въ избѣ за столомъ, я заснулъ во время ѣды, и картошка падала изъ рукъ на полъ-дорогѣ ко рту“.

ПИСЬМО ДОБРОВОЛЬЦА.

Въ началѣ своего письма съ поля брани раненый солдатъ еврей Яковъ М. извиняясь передъ родными за то, что рѣшилъ, не испросивъ ихъ согласія, отправиться на войну. «Надѣюсь,—пишетъ онъ,—что вы, дорогіе мои братья и сестры, оцѣните по достоинству мотивы и чувства, руководившіе мною при отправленіи на войну въ качествѣ добровольца. Я не могъ спокойно смотрѣть на тѣ великія событія, которыя развертываются передъ нами. Я исполнилъ свой патріотическій долгъ».

Далѣе описывается путешествіе добровольца до Вильны, процедура зачисленія въ дѣйствующую армію и т. д. Поѣздъ, съ которымъ пришлось ѣхать добровольцу изъ Петрограда, былъ сплошь занятъ запасными, и на всѣхъ станціяхъ поѣздъ встрѣчали патріотическими манифестаціями. Въ Вильнѣ авторъ письма «засталъ все въ обычномъ порядкѣ».

29 іюля М. еще съ 80 другими отправили на войну.

«Тебѣ извѣстно,—пишетъ онъ брату,—въ какой полкъ я былъ зачисленъ. Ночью выступили въ полкъ. Шли все впередъ, въ Пруссію, такъ что я впервые попалъ за границу и то безъ паспорта... Днемъ были уже у станціи Lensesipenen. Отдохнули и пошли дальше. 3-го нашъ полкъ получилъ приказаніе взять деревни Бильдвичененъ и Сталупененъ. Недалеко отъ этихъ деревень произошло крупное столкновеніе съ нѣмцами.

Бой продолжался съ 6 утра до 9 часовъ веч. 4-го августа безъ перерыва. Наша артиллерія производила полное разрушеніе среди непріятеля. Ихъ артиллерія дѣйствовала очень слабо. Когда въ моей ротѣ не осталось никого изъ старшихъ, то я, какъ болѣе интеллигентный, взялъ команду на себя. И согласно имѣющимся инструкціямъ, велъ полуроту впередъ, пока не былъ тяжело раненъ шрапнелью въ правый бокъ. Кромѣ этой тяжелой раны, я былъ контуженъ въ правую руку, обѣ ноги, но эти раны—легкія. Шрапнельная рана очень большая и глубокая и боль невыносимая.

Пока меня подобрали наши санитары, я лежалъ на полѣ брани болѣе 30 часовъ. Меня ранили ровно въ 6 час. 30 мин. вечера 4-го августа,—у меня хватило силы, чтобы посмотрѣть на часы. Первую перевязку я сдѣлалъ самъ себѣ, несмотря на ужасную боль и обильное кровотеченіе. Черезъ нѣсколько часовъ пришли нѣмецкіе санитары. Сдѣлали перевязки и сказали мнѣ, что такъ какъ я очень тяжело раненъ, то взять меня не могутъ, и оставили до прихода русскихъ.

Я лежалъ въ нѣмецкой деревнѣ. Потомъ перевезли на перевязочный пунктъ въ пяти верстахъ отъ Кибарты. Отсюда поѣздомъ доставили въ Вильну. Сюда прибыли около 2 час. дня 8-го августа, такъ что были свидѣтелями солнечнаго затменія. Здѣсь я себя чувствую удовлетворительно, ибо уходъ внимательный и тщательный.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ ОФИЦЕРА М.

По словамъ М., одежда австрійцевъ вызываетъ смѣхъ у нашихъ войскъ.

Въ послѣднемъ сраженіи на австрійской границѣ принималъ участіе 13 уланскій австрійскій полкъ и здѣсь легко обнаружились всѣ дефекты австрійскихъ кавалерійскихъ войскъ.

По мѣрѣ возможности они стараются вовсе не принимать атакъ. Наши уланы, а особенно казаки наводятъ на австрійцевъ паническій страхъ. Достаточно появиться небольшому отряду казаковъ, какъ австрійцы въ безпорядкѣ начинаютъ убѣгать или безъ бою сдаются въ плѣнъ.

Въ цѣломъ рядѣ сраженій выяснилось, что австрійцы не выдерживаютъ натисковъ нашей кавалеріи, извѣстныхъ въ военной терминологіи подъ названіемъ шоковъ.

М. однако полагаетъ, что австрійцы сдаются подъ вліяніемъ страха и отсутствія подъема.

Трусость австрійцевъ вошла въ поговорку нашихъ солдатъ, которые идутъ въ атаку на австрійцевъ съ улыбкой.

Для характеристики настроенія нашихъ войскъ М. разсказалъ такой случай:

Однажды онъ вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ возвращался съ позиціи въ свою часть. Ихъ сопровождалъ разъѣздъ, состоявшій изъ 26 человѣкъ. Это было въ полѣ. Ночь была очень темная, такъ что на разстояніи 20 — 25 шаговъ ничего не было видно.

Разъѣздъ ѣхалъ шагомъ, какъ вдругъ съ нашихъ аванпостовъ выскочили 2 уральскихъ казака съ крикомъ: «стой, что пропускъ». Офицеръ отвѣтилъ пропускъ и казаки пропустили ихъ.

Послѣ этого М. слѣзъ съ коня и спросилъ у казаковъ, «какъ же вы, молодцы, рискнули остановить насъ, вѣдь насъ 26, а васъ двое».

— Что-жъ, на каждую пику по 10 человѣкъ, а съ остальными какъ-нибудь справимся,—не задумавшись спокойно отвѣтили казаки.

Эпизодъ этотъ является весьма характернымъ для иллюстраціи настроенія нашихъ войскъ.

Подъемъ необычайный; въ мелкихъ стычкахъ сплошь и рядомъ наши 10 казаковъ идутъ противъ 50—60 австрійцевъ и уничтожаютъ или захватываютъ въ плѣнъ.

Австрійцы являются и плохими стрѣлками, и это констатировано во многихъ сраженіяхъ.

Любопытныя вещи разсказалъ офицеру одинъ изъ забранныхъ въ плѣнъ австрійцевъ—русинъ. Солдатъ разсказалъ, что настроеніе австрійскихъ солдатъ крайне угнетенное.

Бывали случаи, когда солдаты отказывались стрѣлять и бросали ружья.

Прекрасное отношеніе, по словамъ М., встрѣчаютъ наши войска со стороны населенія, которое совершенно безвозмездно оказываетъ нашимъ войскамъ всяческія услуги.

Въ послѣдній разъ, разсказываетъ офицеръ, они остановились въ одной бѣдной деревушкѣ, расположенной недалеко отъ границы.

Несмотря на страшную бѣдноту, населеніе приносило войскамъ молоко, яйца, папиросы и проч.

Крестьяне издалека таскали солдатамъ и офицерамъ воду, и обижались, когда имъ предлагали оплатить услуги.

ВЪ ОГНѢ.

(Разсказъ раненаго офицера).

Раннимъ утромъ, почти ночью, едва начало свѣтлѣть небо на востокѣ, приказано было снимать палатки. Около походныхъ кухонь суетились солдаты съ чайниками и котелками...

Вчера вечеромъ, когда пили чай въ отведенномъ для офицеровъ сараѣ, ротный командиръ, добродушный, полный капитанъ, участникъ японской войны, пророческимъ тономъ замѣтилъ:

— Завтра, навѣрно, будетъ бой...

И короткое слово «бой» наполнило душу какимъ-то страннымъ трепетомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страстнымъ желаніемъ поскорѣе разгадать его, увидѣть воочію, пережить и перечувствовать....

По безконечно длинной, протянувшейся между полями, бѣлой дорогѣ, ползла въ неустанномъ движеніи живая стройная масса—полоса людей. Отрядъ пѣхоты, длинная вереница артиллерійскихъ орудій и зарядныхъ ящиковъ, опять пѣхота, много пѣхоты, по бокамъ разъѣзды казаковъ и, наконецъ, длинная цѣпь двуколокъ, повозокъ и походныхъ кухонь... И вся эта масса людей, лошадей, желѣза, стали и пороха медленно, но неудержимо двигалась впередъ навстрѣчу незримому врагу.

Около полудня сдѣлали привалъ...

Солдаты расположились по обѣ стороны дороги. Истомленные переходомъ они снимали скатки, вещевые мѣшки и дремали тутъ же подъ палящими лучами лѣтняго солнца.

Острота мысли о близкомъ боѣ уже не внушала трепета, шли спокойные и беззаботные, такъ же, какъ совершали переходы на маневрахъ и, когда на синемъ фонѣ неба вдругъ вырисовался силуэтъ громадной бѣлой сигары Цеппелина, встрѣтили его скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ волненіемъ.

Стрѣлять было безполезно... Слишкомъ высоко парилъ этотъ воздушный корабль, медленно подвигавшійся вдоль нашего фронта...

Послѣ обѣда опять шли впередъ по той же пыльной и вьющейся среди полей дорогѣ и вдругъ случилось событіе, само по себѣ прошедшее почти незамѣченнымъ, но послужившее началомъ цѣлаго ряда—крупныхъ и значительныхъ.

Мы все ждали того момента, когда отъ похода, такъ сказать, мирнаго,—переступимъ грань и начнется то, что капи-

танъ разумѣлъ подъ короткимъ словомъ «бой»; ждали и совсѣмъ не замѣтили вдругъ развернувшихся въ небѣ высоко, высоко и въ сторонѣ бѣлыхъ клубковъ рвущейся шрапнели.

Это были первые предвѣстники начинающагося боя. Цеппелинъ плавно и равнодушно уходилъ на югъ, а бѣлые клубки все чаще и чаще рвались въ небѣ, но совсѣмъ въ сторонѣ и для насъ были безопасны. Солдаты даже подшучивали надъ ними...

У поворота дороги на холмѣ высился деревянный простой,—сажени въ полторы,—крестъ... Дальше тянулся лѣсъ, слѣва раскинулось село, а за лѣсомъ, какъ потомъ оказалось, поле и деревня, въ которой засѣлъ непріятель.

Проходя мимо креста, такъ странно и неожиданно воздвигнутаго въ полѣ, мы почти не замѣчали его, но нѣсколькими часами позже, когда за лѣсомъ заревѣли пушки и пашня превратилась въ поле битвы, этотъ крестъ высился надъ всѣмъ, какъ бы благословляя умирающихъ и внушая бодрость уцѣлѣвшимъ.

За возвышенностью, въ деревнѣ, гдѣ расположился непріятель, было тихо... Затихло все и у насъ, какъ передъ грозой... Жаркій былъ день, млѣла природа, жужжали комары...

И вдругъ твердо, громко и рѣшительно грянули восемь выстрѣловъ нашей батареи, загудѣли и завыли въ воздухѣ удаляющіеся снаряды и методично, черезъ ровные промежутки времени, разорвались гдѣ-то далеко глухими ударами.

Сейчасъ же, словно въ отвѣтъ, раздались далекіе орудійные выстрѣлы и завыла отвратительнымъ воемъ приближающаяся шрапнель. Нѣсколько томительныхъ секундъ, и взрывая и разбрасывая землю въ клубья черноватаго дыма и пламени, съ грохотомъ разорвались позади нашей батареи австрійскіе снаряды.

Опять въ отвѣтъ восемь вспышекъ пламени и восемь выстрѣловъ. Опять восемь клубочковъ бѣлаго дыма и восемь отвѣтныхъ снарядовъ...

Страшный разговоръ при помощи стали и пороха!...

Въ эти минуты страху не было вовсе: мы съ восхищеніемъ наблюдали результаты мѣткой и спокойной стрѣльбы нашей артиллеріи и, когда изъ-за возвышенности потянулся дымокъ загорѣвшейся отъ нашихъ выстрѣловъ деревни и съ заглушеннымъ разстояніемъ громомъ взорвались разбитые снарядами австрійскіе зарядные ящики, вспыхнувшее въ батареѣ «ура» пробѣжало по цѣпи и зашумѣлъ лѣсъ отъ единодушнаго и могучаго крика восторга.

Батарея сдѣлала свое дѣло. Деревня загорѣлась, австрійскія орудія замолчали, и теперь затрещали ружейные вы-

стрѣлы засѣвшихъ въ окопахъ австрійцевъ по нашимъ приближающимся цѣпямъ.

Помню, какъ сейчасъ, въ центрѣ нашего расположенія, посреди поляны, стояло одинокое грушевое дерево и, пока переговаривались наша и австрійская батареи, пока рвалась надъ нашими головами шрапнель, солдатики трясли ее поочередно и набивали карманы грушами; помню какъ безстрашно и спокойно, пользуясь временнымъ бездѣйствіемъ, бѣгали они во дворъ покинутой фермы за водой, какъ перекликались и острили по поводу каждаго непріятельскаго снаряда, давшаго перелетъ или разорвавшагося слишкомъ высоко. Врядъ-ли такимъ же спокойствіемъ и бодростью духа могутъ похвастать наши противники...

Скоро насъ двинули въ общую цѣпь.

Бой уже разгорался... Трескотня ружейныхъ выстрѣловъ, прерываемая гулкими ударами разрывающихся снарядовъ, разросталась... Пули жужжали, ударяли въ стволы деревьевъ, съ шумомъ сбивали листья и ломали вѣтки и иногда ударяли въ людей безшумно и незамѣтно... Тогда кто-нибудь безъ стона, безъ жалобы, вдругъ дѣлалъ рѣзкое движеніе, оставляя на минуту винтовку... Прострѣленныя руки и ноги не отвлекали вниманія нашихъ солдатиковъ; рука перетягивалась туго повыше раны, нога наскоро забинтовывалась при помощи индивидуальнаго пакета, и снова бралась въ руки винтовка; какъ ни въ чемъ ни бывало.

Медленно, но неуклонно, цѣпи подвигались впередъ... Я не могу сказать, чтобы, впервые попадая въ огонь противника, сражающійся не испытывалъ бы страха... Это было бы неправдой... Страхъ, который испытываютъ, вѣроятно, всѣ, острый, но короткій, проходитъ быстро и смѣняется какимъ-то громаднымъ необъяснимымъ подъемомъ, который уже не сломитъ никакая опасность!..

Лежать сзади цѣпи невозможно; какъ то стыдно за свое бездѣйствіе и хочется принять участіе въ бою непосредственно, и взявъ у раненаго солдата винтовку, обыкновенно офицеры сами ложатся въ цѣпь... Тутъ уже забываешь и опасность, и пули, и все окружающее остается только далекая мишень, то появляющаяся, то скрывающаяся...

Пришлось выдержать кавалерійскую атаку... Отъ опушки вдругъ отдѣлились конныя фигуры гусаръ въ яркихъ костюмахъ, красныхъ рейтузахъ и красныхъ шапкахъ, проскакали они шаговъ 500, но въ шагахъ 400 отъ нашей пѣхоты, открывшей дружный частый огонь, австрійскіе гусары повернули коней и поспѣшно, вразсыпную, ускакали обратно въ лѣсъ...

«Не выдержалъ... ускакалъ... гдѣ ему»!..—перекликались въ окопахъ солдатики, заряжая винтовки...

Такъ же неудачно пытались гусары еще два раза атаковать насъ и такъ же поспѣшно улепетывали въ лѣсъ, а между тѣмъ на правомъ флангѣ все еще ревѣли пушки и дымъ надъ селомъ уже валилъ черный, густой и застилалъ садившееся солнце...

«Баню затопили... теперь мыться пойдемъ»!.. острили солдаты, не терявшіе жизнерадостнаго настроенія... И дѣйствительно, «затопили» сильно... Вскорѣ загорѣлось второе село, за нимъ сосѣднее, и громадные костры озаряли всю громадную площадь поля сраженія.

Сближеніе шло какъ-то незамѣтно, и хотя на самомъ дѣлѣ двигались мы медленно, но время летѣло быстро и, когда сама собою назрѣла необходимость штыкового удара, когда нервы достигли высшаго напряженія, я не помню мгновенія, какъ всѣ мы встали во весь ростъ и бросились впередъ, увлекаемые стихійной, невѣдомой силой...

Въ порывѣ азарта я не замѣчалъ бѣгущихъ рядомъ со мною людей, не обращалъ вниманія на трупы, о которые спотыкался и черезъ которые перескакивалъ, и сознаніе мое лишь ярко прорѣзала одна мысль: «пулеметъ»!, когда вдали затрещало, то съ перерывами, то долгой неумолкающей дробью, что-то незримое, но несущее смерть!..

Люди падали!.. Падало ихъ много, скошенные огнемъ пулеметовъ, но человѣческая лавина, неудержимая и стремительная, уже не могла быть удержанной, она вкатилась, сокрушая все и вся, въ окопы австрійцевъ, заваленные грудами тѣлъ въ сине-сѣрыхъ мундирахъ, разлилась по улицамъ пылающей деревни и не было препятствій этимъ сѣрымъ, однотонно одѣтымъ солдатамъ, достигавшихъ врага всюду своими ужасными штыками.

Изъ открытыхъ оконъ домовъ сыпался градъ пуль спрятанныхъ въ комнатахъ пулеметовъ, надъ головами выла и рвалась шрапнель, по разоренной улицѣ въ бѣшеномъ вихрѣ неслись австрійцы, настигаемые нашими солдатами.

Когда, бросивъ шашку и вынувъ револьверъ, я выстрѣлилъ прямо въ бѣжавшаго мнѣ наперерѣзъ австрійскаго унтеръ-офицера, австріецъ, схватившись за лицо, упалъ какъ-то нелѣпо на-бокъ и началъ странно дергать ногой. Крики и ругань солдатъ, вытаскивавшихъ изъ избы отбитый у враговъ пулеметъ, отвлекли меня отъ созерцанія умиравшаго...

Сумерки уже спустились, но было свѣтло!.. Четыре деревни, четыре пылающіе факела заливали небо золотымъ пурпуромъ.

Сзади изъ лѣса поспѣвала наша пѣхота и выѣзжала на новую позицію, грохоча колесами, артиллерія... Непріятель отступалъ, а его батареи прикрывали бѣгство, засыпая разоренную деревню дождемъ шрапнели...

Мы миновали мостъ черезъ высохшую рѣченку и начали приводить въ порядокъ роту, когда подброшенный какой-то силой въ бокъ и вверхъ, я вдругъ пересталъ видѣть избы и дорогу; въ полѣ зрѣнія еще нѣсколько секундъ оставалось темно-багровое небо съ сѣдыми полосами ползущаго вверхъ дыма... Послѣ тяжелый туманъ сталъ давить голову, казалось уходило все, и силы, и сама жизнь... Не вспомнилось ни прошлой жизни, ни милыхъ лицъ, а почему-то въ память пришелъ одинокій, высокостоящій надъ долиной, простой деревянный крестъ!..

Пробужденіе въ госпиталѣ было полно тихой молитвенной радости. Пережитое кажется теперь сномъ, но не сномъ, внушающимъ ужасъ; почти второй разъ въ «бой», я увѣренъ, уже легче, потому, что это короткое страшное для непосвященнаго слово уже разгадано и утратило свою пугающую таинственность.

РАЗСКАЗЫ РАНЕНЫХЪ.

...Я раненъ почти на самой прусской границѣ, разсказываетъ молодой, съ маленькой бородкой, казакъ. Насъ было двѣ сотни. Смотримъ—непріятельская пѣхота. Мы гикнули, и на нихъ. Летимъ ураганомъ, а пули вокругъ хуже пчелинаго роя летаютъ. Но это насъ не смущаетъ: многіе изъ насъ свалились съ коней, но мы все еще летимъ на врага.

...Доскакать не удалось: оказалось, что за валами залегло болѣе полка пѣхоты, а насъ было всего только двѣ сотни. Артиллеріи и пѣхоты съ нами не было.

Видимъ, что мы сильно разстаяли. Дѣлать нечего—заскакали въ лѣсокъ.

— Неудалось до врага добраться,—спокойно, съ улыбкой закончилъ одинъ изъ тѣхъ незамѣтныхъ героевъ, небольшая кучка которыхъ безстрашно неслась въ атаку почти на цѣлую бригаду германской пѣхоты.

Я раненъ около германской границы,—разсказываетъ молодой уланъ.

...Съ непріятельской конницей на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, до того времени, когда я былъ раненъ, намъ не удалось столкнуться: конница врага уклонялась отъ встрѣчи съ нами, и мы бились только съ пѣхотой, которая держится упорно.

Приблизительно то же самое разсказывалъ и другой кавалеристъ.

...Насъ было не болѣе трехъ полковъ,—разсказываетъ взятый изъ запаса пѣхотинецъ.—Мы недалеко отъ австрійской границы, на русской территоріи пытались выбить изъ окоповъ втрое сильнѣйшаго непріятеля. Бились съ утра до вечера. Рвались впередъ, какъ львы. Къ вечеру стало замѣтно, что непріятель какъ будто отходитъ. Я выбылъ изъ строя, и не знаю, что дальше было.

ВЪ ПРУССІИ.

Однимъ изъ видныхъ петербургскихъ чиновниковъ получено письмо отъ сына-офицера, находящагося въ дѣйствующей арміи. Офицеръ этотъ подробно описываетъ первые бои въ Восточной Пруссіи. По его словамъ, мѣстности, которыя пришлось брать съ боя нашимъ войскамъ, прекрасно укрѣплены непріятелемъ. Дорога была преграждена колючими проволоками, изгородями и глубокими волчьими ямами, представляющими собой углубленія въ нѣсколько саженъ глубиной. Части русскихъ войскъ геройски шли на эти препятствія, перерубая проволоку подъ непріятельскими ядрами и пулями. Даже волчьи ямы были не въ состояніи задержать стремительный натискъ нашихъ войскъ.

Плѣнные нѣмцы, по словамъ, офицера, выражали искреннее удивленіе геройству русскихъ солдатъ. Германскій генеральный штабъ увѣрялъ своихъ офицеровъ, что позиціи въ Восточной Пруссіи неприступны и русскимъ ихъ не удастся занять. Успѣхи русскаго оружія произвели крайне благотворное впечатлѣніе на наши войски, которыя послѣ каждой новой занятой непріятельской позиціи съ еще большей горячностью рвутся въ бой. Подвозъ пищевыхъ продуктовъ организованъ прекрасно, и армія ни въ чемъ не нуждается. Все письмо офицера проникнуто бодростью и увѣренностью въ успѣхѣ.

ПОСЛѢ БИТВЫ.

Самыя тяжелыя минуты приходится переживать раненымъ на полѣ битвы послѣ сраженія.

Одинъ офицеръ былъ раненъ пятью пулями сразу и, упавъ на полѣ, лишился сознанія.

— Очнулся я,—разсказываетъ онъ,—отъ нестерпимой боли во всей лѣвой сторонѣ тѣла. Лѣвая рука моя совершенно онѣмѣла. Лѣвый бокъ былъ прострѣленъ тремя пулями... Одна пуля пробуравила ногу выше колѣна. Очнулся я, вижу—кругомъ ни живой души... Чувствую, какъ струится кровь теплыми струйками по всему тѣлу... Лѣвая сторона тѣла совершенно не дѣйствуетъ... Пожалуй, умрешь, а умирать такъ не хочется... Постараюсь, думаю, какъ-нибудь поползти, напрягъ всѣ силы, перевернулся на правый бокъ и поползъ.

И вотъ, отползши нѣсколько шаговъ, со страшными усиліями, я остановился передохнуть и почему-то оглянулся назадъ.

И вижу слѣдующее. Съ поля подымается на локтѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, фигура. Всматриваюсь—австріецъ, тоже раненый. Беретъ винтовку, взводитъ курокъ и цѣлится прямо въ меня. Я поднялъ руку и кричу ему по-нѣмецки: „что ты дѣлаешь? я раненый“. Но онъ продолжаетъ цѣлиться... Ну, думаю, конецъ. Перекрестился и приникъ къ землѣ: будь что будетъ. Выстрѣлилъ онъ, страшная боль обожгла мнѣ всю правую сторону. Какъ потомъ оказалось, пуля попала въ нижнюю часть спины около хребта и вышла около праваго соска... Я опять потерялъ сознаніе.

Сколько времени пролежалъ, не знаю. Очнулся снова, все на томъ же мѣстѣ.

Передо мной стоялъ какой-то австрійскій солдатъ и внимательно разглядывалъ. Потомъ низко наклонился и протянулъ руку.

Онъ взялъ меня за руку, отвелъ ее, разстегнулъ мундиръ, вытащилъ изъ бокового кармана бумажникъ, записную книжку, фотографическую карточку и все это попряталъ по своимъ карманамъ.

Затѣмъ австріецъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, собираясь уходить, но, повидимому, раздумалъ и, вернувшись, сталъ поднимать меня съ земли.

Я сдѣлалъ усиліе и спросилъ по-нѣмецки:

— Что вы хотите дѣлать?

Австріецъ съ надменной важностью отвѣтилъ:

— Беру въ плѣнъ.

И, взваливъ на плечи, понесъ въ виднѣвшуюся недалеко деревушку.

ПОДЪ УЖБАЛЕНОМЪ.

Одинъ изъ прибывшихъ въ Москву раненыхъ офицеровъ разсказалъ подробности боя 7-го августа подъ Ужбаленомъ.

Артиллерійская стрѣльба нѣмцевъ была превосходна. Ни одна складка мѣстности, ни одно прикрытіе не было забыто. Огонь былъ настолько силенъ, что солдаты буквально почернѣли отъ порохового дыма, но держались твердо, не уступая ни одной пяди непріятелю.

Какъ потомъ выяснилось, прекрасная стрѣльба нѣмцевъ обусловливалась точнымъ знаніемъ конфиргураціи мѣстности, топографическія карты которой были найдены у убитыхъ нѣмецкихъ офицеровъ. Карты датированы 1907 годомъ, когда въ этой мѣстности нѣмцы производилы маневры.

Вскорѣ послѣ того, какъ нѣмцы открыли стрѣльбу бризантными снарядами, выступили на позицію и наша дивизіонная полевая артиллерія и пулеметы.

Нашъ шрапнельный огонь произвелъ среди наступавшихъ панику.

Пулеметныя роты съ 300 шаговъ также развили убійственный огонь. Сметались цѣлыя цѣпи противника. Въ результатѣ наступленіе было задержано, а обхватъ нашего праваго фланга противнику не удался.

Офицеры идутъ со своими командами и, повидимому, боятся выпустить иниціативу командованія изъ своихъ рукъ. Насколько силенъ былъ уронъ въ нѣмецкихъ частяхъ въ этомъ бою, показываетъ хотя бы тотъ фактъ, что взятые въ плѣнъ нѣмецкіе пѣхотинцы разсказывали, что отъ ихъ ротъ осталось не болѣе 3—4 человѣкъ.

Между прочимъ, взято въ плѣнъ много поляковъ. Нѣкоторые изъ нихъ показываютъ совершенно чистыя винтовки и говорятъ, что «Ченстоховская Божія Матерь спасла ихъ отъ неминуемой смерти за то, что они не стрѣляли въ своихъ братьевъ-славянъ». Обыкновенно, польскіе отряды нѣмцы выставляютъ въ авангардъ и при первой ихъ попыткѣ къ неповиновенію разстрѣливаютъ.

Распускаются нѣмцами о русскихъ всевозможныя небылицы. Напримѣръ, говорятъ, что нѣмецкіе селенія поджигаются русскими, что съ нѣмецкими плѣнными и мирными жителями обращаются жестоко. На самомъ дѣлѣ все обстоитъ совершенно иначе.

Обыкновенно, деревушки и зданія, попадающія на пути русскихъ войскъ, поджигаются самими же нѣмцами и по большей части ночью, съ цѣлью обозначить наши фронтальныя части, въ то же время нѣмецкіе прожекторы обшариваютъ

каждую впадину, каждое прикрытіе на нашихъ флангахъ.

Насколько неожиданнымъ и стремительнымъ былъ нашъ ударъ на Восточную Пруссію, показываютъ хотя бы такіе мелкіе факты. Въ покинутыхъ нѣмцами домахъ, на столахъ находили кофе, свѣже испеченный хлѣбъ, молоко, провизію.

Наши солдаты имѣютъ тамъ хорошій столъ. Подчасъ смѣются:

— Что, ребята, нынче заваривать будемъ, кофе или какао?

Казаковъ нѣмцы прямо-таки не выносятъ и называютъ «длинноволосой кавалеріей».

БОЙ У СТАЛУПЕНЕНА И КАТТЕНАУ.

Послѣ взятія Эйдкунена, совершенно разрушеннаго огнемъ нашей артиллеріи, русская армія начала наступленіе на фронтъ Сталупененъ—Каттенау.

На всемъ этомъ фронтѣ 4-го августа разыгрался бой, въ которомъ противъ насъ приняли участіе три германскихъ корпуса, численностью до 120 тыс. штыковъ и сабель, и до 200 орудій.

Бой начался около 9 час. утра.

Непріятель не использовалъ временныя полевыя укрѣпленія впереди Сталупенена и, подъ напоромъ частей нашей арміи, отошелъ за Сталупененъ, тотчасъ же занятый нами.

Дальнѣйшее движеніе встрѣтило сопротивленіе, и около 11 часовъ утра по всему фронту начался бой нашей арміи съ противникомъ.

Подъ непріятельскимъ огнемъ, охватывая фланги противника, грудью шли на врага русскія войска, и подъ ихъ напоромъ одну за другой очищали германцы свои позиціи, оставляя на нихъ тысячи убитыхъ и раненыхъ. Къ 6 часамъ вечера непріятель былъ окончательно выбитъ изъ всѣхъ своихъ позицій и безпорядочно отступалъ къ Гумбинену, преслѣдуемый по пятамъ.

Къ 9 часамъ вечера канонада стихла, а нѣсколько позднѣе прекратилась и трескотня пулеметовъ и ружейнаго огня.

Армія расположилась на отдыхъ на полѣ сраженія.

Одновременно съ боя былъ взятъ Каттенау и, такимъ образомъ, нѣмцы отступили по всему фронту, оставивъ въ нашихъ

рукахъ 15 орудій и 12 зарядныхъ ящиковъ. Плѣнныхъ, въ томъ числѣ раненыхъ, до 500 человѣкъ.

Первоначальная помощь нашимъ раненымъ подавалась на перевязочныхъ пунктахъ на полѣ сраженія, а затѣмъ въ полевыхъ подвижныхъ госпиталяхъ, врачи которыхъ, не покладая рукъ, работали совмѣстно съ сестрами милосердія трое сутокъ подрядъ.

Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ боя можно указать, что непріятель совершенно не выдерживаетъ штыкового удара и, не принимая его, очищаетъ позиціи.

Весь разсчетъ нѣмцевъ основанъ на огнѣ и на обходныхъ движеніяхъ.

Сталупененъ,—чистенькій нѣмецкій городокъ, совершенно нетронутый, но покинутый жителями, изъ коихъ въ городѣ осталось лишь 2—3 десятка.

Вся обстановка указываетъ на поспѣшность бѣгства населенія.

ПОДЪ ГОРОДКОМЪ.

(Изъ частнаго письма).

«Въ Ермолинцахъ мы нашли уже очень много раненыхъ и плѣнныхъ австрійцевъ; большинство изъ нихъ—кавалеристы. Форма у нихъ оригинальная и красивая. Шапки у нихъ со стальнымъ донышкомъ, что защищаетъ голову. Одѣты они въ мѣховые полушубки съ высокими воротниками. На плечахъ тоже стальныя пластинки.

Австрійцы сражаются очень неохотно и легко сдаются. Казаки отличаются, и часто въ количествѣ 20—30 человѣкъ нападаютъ на отряды 100—150 австрійцевъ и разбиваютъ ихъ. Австрійцы страшно боятся казаковъ и особенно вооруженныхъ пиками.

У плѣнныхъ и раненыхъ мы нашли массу бураковъ; какъ они разсказываютъ, имъ приходится часто голодать, и послѣдніе дни они питаются сырыми бураками. Многіе изъ нихъ говорятъ по-русски и передаютъ намъ, что они рады, что ихъ мученія окончены. Даже раненые довольны. Мы кормимъ ихъ своимъ хлѣбомъ и они благодарятъ насъ.

Когда мы пришли въ Городокъ, то нашли здѣсь плѣнныхъ и раненыхъ. На площади свалены кучи ружей, сѣделъ, амуниціи—все это трофеи послѣдняго сраженія. Осматривали мѣсто боя и братскія могилы; въ одной изъ нихъ похоронено 600 австрійцевъ. У насъ удивительно мало пострадавшихъ.

При насъ всѣхъ раненыхъ и плѣнныхъ отправили въ центральную Россію. Однако, крестьяне ежедневно приводятъ къ намъ австрійцевъ въ полномъ вооруженіи. Это остатки разбитаго отряда, разбѣжавшагося по всѣмъ направленіямъ. Вообще, побѣда надъ Городкомъ и разгромъ австрійскаго отряда произвели на войско отличное впечатлѣніе, и духъ войска великолѣпный.».

У ВЛАДИМИРА-ВОЛЫНСКА.

Прибывшій въ Петроградъ съ театра военныхъ дѣйствій артистъ Императорскихъ театровъ Г. Ф. Стравинскій, состоящій теперь на службѣ въ Красномъ Крестѣ, передаетъ свои впечатлѣнія о тѣхъ картинахъ военной жизни, свидѣтелемъ и участникомъ которыхъ ему пришлось быть. Война застала Г. Стравинскаго въ имѣніи его сестры, расположенномъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Владимира-Волынска.

— Вдоль близкой границы,—разсказываетъ Г. Стравинскій,—ежедневно происходили стычки кавалерійскихъ отрядовъ и войскъ. Къ намъ, какъ къ одному изъ ближайшихъ пунктовъ, стали поступать первые раненые, свои, русскіе, и непріятельскіе, съ одинаковою бережностью перевозимые съ мѣстъ боя.

Однажды я былъ командированъ во Владиміръ-Волынскъ сопровождать оттуда къ намъ небольшую партію раненыхъ. Я спокойно ѣхалъ по желѣзной дорогѣ, и только, когда поѣздъ уже подходилъ къ Владимиру-Волынску и стали слышны ружейные и орудійные выстрѣлы, у меня и у моихъ спутниковъ начало возникать безпокойство. Но мы все же еще не думали, что непріятель былъ такъ близко. Оказалось, что значительный отрядъ конницы быстро перешелъ границу и, тѣсня наши передовые разъѣзды, сталъ приближаться къ городу съ явнымъ намѣреніемъ захватить его внезапнымъ нападеніемъ. Сколько было непріятельскихъ войскъ, я, конечно, не знаю, но ихъ, несомнѣнно, было много. У нихъ была артиллерія, пѣхота и много кавалеріи. Съ того мѣста въ городѣ, на которомъ я находился,

хорошо было видно приближеніе большихъ массъ непріятельской кавалеріи. Черезъ нее непріятельская артиллерія обстрѣливала городъ. Однако, австрійцы стрѣляли не въ самый городъ, а въ находившіеся передъ нимъ окопы, занятые нашими войсками.

Австрійцы быстро приближались, и какъ-то вдругъ наступилъ жуткій моментъ. Стройные ряды венгерской конницы, полукольцомъ охватившіе все широкое пространство передъ городомъ, лихо понеслись впередъ съ видимой цѣлью соединиться на главной дорогѣ при въѣздѣ въ городъ. Казалось, что черезъ нѣсколько минутъ эта лавина ворвется въ городъ. Но тутъ раздались сухіе, жесткіе звуки, странный трескъ, даже мало пожій на выстрѣлы. Это начали стрѣлять изъ нашихъ окоповъ. Венгерцы были уже близко, и произошло что-то ужасное, незабываемое. Я не могу этого описать. Какъ подкошенная трава, валялись всадники, на полномъ ходу падали лошади, сѣдоки, падая, переворачивались нѣсколько разъ; сразу раздался дикій вопль гибнущихъ людей и глухое ржаніе—стонъ, на смерть сраженныхъ лошадей. Въ нѣсколько минутъ, врядъ-ли прошло болѣе трехъ минутъ, отъ лихо мчавшихся въ атаку кавалеристовъ осталась только груда тѣлъ и единичные всадники, стремительно, въ безумномъ ужасѣ, бросившіеся назадъ къ своимъ. Такъ погибло сразу нѣсколько сотъ человѣкъ. Но за одной атакою слѣдовала другая. Черезъ короткое время новый рядъ венгерцевъ съ прежней лихостью несся уже по направленію къ другой части нашихъ окоповъ, надѣясь прорвать линію этихъ, плохо видимыхъ и съ виду такихъ незначительныхъ окоповъ. И опять-таки наши войска съ поразительнымъ хладнокровіемъ подпускали ихъ на сравнительно очень близкое разстояніе, встрѣтили ихъ пулеметнымъ огнемъ, въ нѣсколько минутъ уничтожившимъ почти всѣхъ нападающихъ. Такихъ бѣшеныхъ конныхъ атакъ было сдѣлано нѣсколько, пока австрійцы не убѣдились въ невозможности прорвать линію окоповъ натискомъ кавалеріи.

Потомъ, когда непріятель отступилъ и мы собирали раненыхъ, мнѣ пришлось вблизи видѣть эту массу убитыхъ. Дѣйствіе пулеметовъ было таково, что у нѣкоторыхъ лошадей задъ туловища былъ какъ бы отрѣзанъ, точно лошадь перерубили топоромъ.

Были и другія попытки овладѣть городомъ, но кавалерійскихъ атакъ они болѣе не возобновляли. Они усиливали артиллерійскій огонь, пробовали наступать пѣхотою, но каждая такая попытка оканчивалась неудачей. Наши немногочисленныя войска съ удивительной стойкостью выдерживали огонь и отражали всѣ нападенія до прибытія спѣшно вызванныхъ под-

крѣпленій. Когда эти подкрѣпленія подошли, когда въ сторонѣ загрохотала наша артиллерія, а съ другой стороны показались казаки,—непріятель сталъ отступать сначала медленно, отстрѣливаясь, а потомъ все скорѣе. Когда начало темнѣть, австрійскихъ войскъ уже не было видно и только издали еще изрѣдка доносились звуки все удаляющейся ружейной перестрѣлки.

Я оказался совершенно случайнымъ свидѣтелемъ этого боя. Я пріѣхалъ въ городъ за ранеными. Теперь ихъ было много, хотя въ общемъ наши потери оказались ничтожными. Забравъ сколько можно было раненыхъ, я съ транспортомъ вернулся въ нашъ госпиталь. У насъ оказалось не мало раненыхъ австрійцевъ, и я имѣлъ случай ближе познакомиться съ ними.

Наши русскіе раненые поражали меня своимъ терпѣніемъ, выносливостью и мужественнымъ перенесеніемъ жестокихъ страданій. Многихъ приходилось уговаривать лежать. Имъ даже серьезныя, болѣзненныя пораненія казались пустяками. И за все, за самую мелкую услугу они благодарили, часто такъ трогательно.

Венгерцы—раненые упорно все время молчали. Объясняться съ ними было очень трудно, языкъ ихъ никому изъ нашихъ не былъ знакомъ, по-нѣмецки и по-польски только нѣкоторые изъ нихъ говорили и то очень плохо. Да они, видимо, избѣгали общенія.

Австрійцы оказались болѣе разговорчивыми. Они выражали свое удивленіе хорошему съ ними обращенію. Всѣ они были глубоко убѣждены въ томъ, что русскіе должны быть непремѣнно жестоки. Имъ опредѣленно было сказано начальствомъ, что русскіе добиваютъ всѣхъ раненыхъ, мучаютъ и убиваютъ плѣнныхъ.

Между прочимъ, на этой почвѣ разыгрался одинъ эпизодъ, который можно было бы назвать комичнымъ, если не обстановка военнаго времени и близость раненыхъ, не располагающія къ смѣху. Къ намъ привели плѣнныхъ австрійцевъ. Ихъ было захвачено много, но у насъ очутилась партія всего изъ восьми солдатъ и одного офицера. Объ этомъ узнали стоящіе въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ нашей усадьбы казаки и захотѣли посмотрѣть на плѣнныхъ. Прислали просить отпустить къ нимъ въ отрядъ: «посмотрѣть хочется на нѣмцевъ». Офицеръ приказалъ солдатамъ вывести плѣнныхъ и проводить ихъ къ казакамъ. Когда ихъ вывели изъ занимаемаго ими помѣщенія, нашъ офицеръ по-нѣмецки сказалъ австрійскому офицеру, что ихъ отведутъ къ казакамъ. Это было при мнѣ, и я видѣлъ, какъ несчастный австріецъ сразу мертвенно поблѣднѣлъ, и какой дикій ужасъ былъ на лицахъ всѣхъ девяти плѣнниковъ. Они были увѣрены, что ихъ отдаютъ на «съѣде-

ніе казакамъ». Я не могъ не послѣдовать за ними. Они шли, какъ приговоренные къ мучительной смерти, не обращая никакого вниманія на нѣсколько успокоительныхъ фразъ, сказанныхъ имъ нашимъ офицеромъ. А страшные казаки, которыхъ они приняли за людоѣдовъ, съ любопытствомъ обступили ихъ и разсматривали, какъ на какой-нибудь ярмаркѣ разсматриваютъ заморскую диковинку. Осматривали платье, щупали добротность матерій, трогали пуговицы, добродушно угощали папиросами и хлопали по плечу. Я сказалъ двумъ казакамъ, стоявшимъ около меня.

— А вѣдь они до смерти боялись итти къ вамъ. Они думали, что вы ихъ станете ѣсть.

Казаки не разсмѣялись, даже не улыбнулись. Это дикое предположеніе не показалось имъ смѣшнымъ. Одинъ изъ нихъ нахмурился и помолчавъ, сказалъ, какъ бы про себя, недовольнымъ голосомъ:

— Пожалуй что! Станемъ мы нѣмецкое г.... ѣсть. Очень надо. Онъ энергично плюнулъ и отошелъ и въ сторону.

Постепенно австрійцы успокоились и выражали потомъ свое удивленіе и свою радость.

ПОДЪ КѢЛЬЦАМИ.

Тотчасъ по объявленіи Австріей войны Россіи сосредоточенныя въ Краковѣ австрійскія части перешли русскую границу, направляясь въ Кѣльцы. По дорогѣ онѣ заняли города Сендзишевъ, Вольбромъ, Мѣховъ, Бойдиславъ, Андреевъ и Бялогу.

Еще до занятія перечисленныхъ городовъ австрійскими передовыми отрядами, по всей Кѣлецкой губерніи были разбросаны австрійскими аэропланами воззванія къ полякамъ на польскомъ языкѣ. Въ этихъ прокламаціяхъ поляки призывались оказать содѣйствіе Австріи, взамѣнъ чего имъ сулили золотыя горы.

За передовыми отрядами непріятеля въ упомянутые города вступили болѣе или менѣе значительныя австрійскія военныя части, занявшія всѣ правительственныя учрежденія.

Въ Кѣльцы непріятельскій передовой отрядъ вступилъ 29 іюля. Вскорѣ въ городъ вступилъ значительный австрійскій военный отрядъ и занялъ всѣ правительственныя зданія, выки-

нувъ австрійскіе флаги. Начальникъ австрійскаго гарнизона занялъ для своей квартиры зданіе губернскаго правленія и немедленно вступилъ въ управленіе городомъ.

Вечеромъ того же дня въ Кѣльцы прибыло на бронированныхъ автомобиляхъ много австрійскихъ офицеровъ, отрядъ кавалеріи, а также нѣсколько сотъ австрійскихъ «соколовъ»-добровольцевъ, вооруженныхъ револьверами и маузерами.

Вскорѣ изъ Невахлева, гдѣ расположенъ русскій отрядъ, прибылъ автомобиль съ русскими офицерами, открывшими стрѣльбу по австрійской кавалеріи. Обстрѣливая австрійскій бронированный автомобиль, русскіе офицеры застрѣлили четырехъ австрійскихъ офицеровъ.

Эта неожиданная стрѣльба, начатая горстью русскихъ героевъ-смѣльчаковъ, произвела среди австрійцевъ ужасный переполохъ. Австрійцы открыли по нашимъ офицерамъ сильный огонь. Австрійскіе солдаты, взобравшись на крыши высокихъ домовъ, безпрестанно стрѣляли по направленію къ Невахлеву. Нашему автомобилю австрійцы вреда не нанесли.

Начавшаяся стрѣльба вызвала въ городѣ панику, и жители спрятались въ погребахъ, гдѣ они провели ужасную ночь.

На разсвѣтѣ раздался сильный взрывъ. Оказалось, что австрійцы взорвали большой желѣзнодорожный мостъ.

Утромъ 31 іюля послѣ артиллерійскаго обстрѣла отрядъ казаковъ двинулся къ Кѣльцамъ.

Приближеніе казаковъ привело австрійцевъ въ ужасъ, и въ паническомъ страхѣ они начали отступать изъ Кѣльцъ по направленію къ Бзлогѣ. Казаки ихъ преслѣдовали и перебили по дорогѣ много непріятельскихъ солдатъ и добровольцевъ заставивъ австрійцевъ покинуть и Бялогу. Казаки продолжали преслѣдовать непріятеля, заставляя его очистить и Хенчинъ и отступить къ Андрееву, гдѣ расположились значительныя силы австрійцевъ.

ВЪ ЧЕНСТОХОВѢ.

Какъ уже сообщалось нѣмецкій комендантъ Ченстохова Цоллернъ подвергъ обстрѣлу нѣкоторыя части города.

Въ ночь на 26-е іюля, съ 9-ти до 12-ти часовъ въ предмѣстьи Ченстоховкѣ почти безпрерывно раздавалась пере-

стрѣлка. Вмѣстѣ со свистомъ пуль, воздухъ оглашали вопли и крики обезумѣвшихъ женщинъ и дѣтей.

Утромъ горожане видѣли толпу женщинъ и дѣтей, которыхъ германскіе солдаты гнали изъ Ченстоховки по улицамъ св. Варвары и Семикаменной. Изгоняемые направились было въ паркъ Святой Горы но тутъ имъ преградилъ путь непріятельскій патруль.

Нѣсколько придя въ себя, жители Ченстоховки разсказывали, что вторая ночная перестрѣлка происходила между нѣмецкими солдатами. Началась стрѣльба послѣ того, какъ нѣмецкіе солдаты въ значительномъ числѣ вышли изъ ресторана.

Всѣ они были пьяны.

Обстоятельство это подтверждается мѣстной газетой, выходившей подъ нѣмецкой цензурой. Въ газетѣ напечатано, между прочимъ, обязательное постановленіе, изданное полковникомъ Цоллерномъ и датированное 9-мъ августа новаго стиля, т. е., днемъ, слѣдующимъ послѣ ночной свалки въ Ченстоховкѣ..

Полковникъ Цоллернъ, подъ угрозой строжайшаго наказанія запрещаетъ жителямъ Ченстохова продавать солдатамъ спиртные напитки.

Несмотря на все это за междуусобную свалку германскихъ солдатъ, жестоко поплатились жители Ченстоховки, изъ числа которыхъ было разстрѣляно 18 мужчинъ.

Въ числѣ жертвъ безсмысленной расправы оказался 80-лѣтній старикъ Менжницкій. Убитые были погребены въ одной ямѣ съ трупами нѣмецкихъ лошадей, павшихъ во время ночной перестрѣлки.

Могила эта, выкопанная арестованными жителями Ченстоховки, находится въ паркѣ гигіеническаго музея.

Большая группа арестованныхъ ночью мужчинъ была поставлена подъ разстрѣлъ.

При этомъ нѣмцы томительно затягивали приготовленія казни. Медленно разставляли осужденныхъ возлѣ стѣны. Наконецъ, приказали имъ обнажить головы.

Солдаты, тѣмъ временемъ, не торопясь выстраивались противъ осужденныхъ и, наконецъ, направили на нихъ дула ружей.

Послѣ небольшой паузы, разстрѣлъ, по приказанію коменданта былъ отмѣненъ.

Послѣ этого, помилованныхъ держали подъ арестомъ безъ пищи въ теченіе цѣлаго дня.

Всѣхъ приходившихъ провѣдать арестованныхъ нѣмцы задерживали.

Къ вечеру число арестованныхъ женщинъ и мужчинъ превысило 1,500 человѣкъ.

Всѣхъ ихъ объявили военноплѣнными и подъ конвоемъ отправили въ Германію.

КАЗАКИ.

Корреспондентъ «Нов. Вр.» приводитъ разсказъ раненаго венгерскаго офицера-гусара о лихихъ атакахъ казаковъ:

— Гдѣ и какъ вы попали въ плѣнъ?

— Подъ Луцкомъ,—казакъ меня забралъ.

— Одинъ казакъ?

— Одинъ.

— А васъ было сколько?

— Насъ было много, но онъ опомниться не далъ,—выхватилъ изъ строя...

— О, вы штатскій человѣкъ,—продолжалъ венгерецъ,—не можете представить себѣ, что такое вашъ казакъ, когда онъ летитъ на насъ. Ихъ было много, и мы готовы были сражаться, но они налетѣли на насъ въ одинъ мигъ, и я не успѣлъ отклониться, какъ одинъ казакъ нанесъ мнѣ сразу три удара: пикой, саблей и кулакомъ. Какъ онъ могъ такъ сразу—не знаю. Я даже упасть не успѣлъ,—онъ схватилъ меня за шею, въ одинъ мигъ перетащилъ на свою лошадь и увезъ. Я очнулся не скоро и увидѣлъ много казаковъ и много нашихъ плѣнныхъ... О, ваши казаки,—закончилъ венгерецъ,—съ ними трудно: они не хотятъ сражаться, какъ всѣ, а прямо налетаютъ, палятъ и берутъ...

КАЗАЦКАЯ ПИКА.

По словамъ «Б. В.» одинъ офицеръ, участвовавшій въ цѣломъ рядѣ дѣлъ на австрійской границѣ, раненый и доставленный въ Кіевъ, передаетъ такой случай.

Однажды онъ вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ и разъѣздомъ человѣкъ въ 25, ночью въ полѣ набрелъ на казачій аванпостъ, состоявшій, какъ потомъ выяснилось, изъ двухъ человѣкъ.

Казакъ окликнулъ подъѣзжающихъ обычнымъ:

— Стой! Что пропускъ?

Офицеръ отвѣтилъ и казаки пропустили разъѣздъ. Послѣ этого офицеръ спросилъ казака:

— Какъ же вы, молодцы, рискнули остановить разъѣздъ въ двадцать пять человѣкъ, когда васъ только два казака?

— Что-жъ, на каждую пику по десять человѣкъ,—отвѣчалъ казакъ, а для остальныхъ шашки.

КУЗЬМА КРЮЧКОВЪ.

Раненые однополчане Кузьмы Крючкова разсказываютъ о подвигѣ своего же товарища.

По словамъ этихъ донцовъ, казачій полкъ, въ которомъ служилъ Кузьма Крючковъ, былъ отправленъ небольшими отрядами на развѣдки.

Отрядъ, въ которомъ находился Кузьма Крючковъ, благополучно перешелъ границу. Непріятеля нигдѣ не видно. Мало-по-малу- отрядъ углубился въ Пруссію.

Въ небольшой рощѣ казаки заночевали.

Утромъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нихъ показался разъѣздъ прусской кавалеріи.

Сначала казаки насчитывали всего 10 нѣмецкихъ всадниковъ.

Старшій казакъ съ нарочнымъ послалъ объ этомъ донесеніе начальству.

Черезъ нѣкоторое время опредѣлилось, что къ прусскому разъѣзду присоединился другой. Теперь нѣмцевъ было уже 27 человѣкъ.

Когда пруссаки приблизились на разстояніе ружейнаго выстрѣла, казаки спѣшились и открыли огонь.

Офицеръ, начальникъ нѣмецкаго отряда, что то скомандовалъ. Прусскіе кавалеристы начали быстро удаляться.

Тогда казаки вскочили на коней и съ гиканьемъ помчались на непріятеля.

Среди пруссаковъ произошло замѣшательство.

Послышались крики:

— Кашланы, кашланы!

Такъ пруссаки, какъ оказалось, называютъ русскихъ казаковъ.

Кузьма Крючковъ на своей рѣзвой лошади обогналъ товарищей и первый врѣзался въ непріятельскій отрядъ.

Подоспѣвшіе остальные казаки на мгновеніе увидѣли Крючкова, окруженнаго пруссаками и размахивающаго своей шашкой направо и налѣво.

Затѣмъ, люди и лошади,все смѣшалось въ общей свалкѣ.

Случайно одинъ изъ казаковъ замѣтилъ, какъ въ этой свалкѣ къ Крючкову протискивается прусскій офицеръ съ обнаженной шашкой. Казакъ выстрѣлилъ. Прусскій офицеръ упалъ.

Крючовъ тѣмъ временемъ тоже выхватилъ винтовку и хотѣлъ выстрѣлить въ прусскаго унтеръ- офицера, но тотъ ударилъ Крючкова саблей по рукѣ, разсѣкъ ему пальцы, и казакъ выронилъ винтовку.

Въ слѣдующій моментъ, несмотря на полученную рану, Крючковъ ударилъ унтеръ-офицера шашкой по головѣ. Шашка скльзнула по каскѣ.

Новымъ ударомъ Крючковъ разсѣкъ унтеръ-офицеру шею.

Оставшись безъ начальниковъ, пруссаки растерялись. Было очевидно, что непріятельскій отрядъ готовится бѣжать.

Это придало нашимъ энергіи.

Въ это время два пруссака съ пиками набросились на Крючкова, пытаясь выбить его изъ сѣдла, но Крючковъ ухватился руками за непріятельскія пики ,рванулъ ихъ къ себѣ и сбросилъ обоихъ нѣмцевъ съ коней.

Затѣмъ, вооружившись прусской пикой, Крючковъ бросился опять въ бой.

Прошло нѣсколько минутъ,—и изъ 27 пруссаковъ, сражавшихся съ 4-мя донскими казаками, остались на коняхъ только три, которые и обратились въ дикое бѣгство. Остальные были убиты, или ранены.

ДВА СЫНА И ОТЕЦЪ ВЪ СТРОЮ.

Въ Москвѣ во время прибытія раненыхъ у одного изъ вагоновъ, по слов. «Ран. У.», разыгралась трогательная сцена.

Изъ вагона легко выскочилъ какой-то юнецъ, въ солдатской шинели и, замѣтивъ на платформѣ прилично одѣтую даму, крикнулъ:

— Мама, я здѣсь!

Женщина бросилась на шею юношѣ.

— Довольно, довольно, мама,—старается освободиться изъ объятій женщины юноша.

Но мать, рыдая продолжаетъ его цѣловать.

Вскорѣ выясняется, что юноша—доброволецъ, 19-лѣтній М. Л. изъ Новогеоргіевска, ученикъ техническаго училища, сынъ надворнаго совѣтника.

Какъ только была объявлена война, онъ пришелъ домой и заявилъ:

— Ухожу на войну!

Отецъ и мать благословили его.

Вскорѣ юноша попалъ въ самый огонь у Мазурскихъ озеръ.

Младшій братъ, также ученикъ заявилъ, что желаетъ послѣдовать примѣру Михаила. Его отпустили.

Вскорѣ рѣшилъ послѣдовать примѣру сыновей и отецъ, заявивъ, что тоже уходитъ на войну.

Мать бросила домъ и уѣхала въ Москву, гдѣ и встрѣтила своего раненаго сына.

Несмотря на раны, юноша Л. съ почти дѣтской трогательностью, разсказываетъ:

— По дорогѣ сюда меня встрѣчалъ папа. Я передалъ ему захваченныя мною у непріятеля два револьвера, каску и штыкъ. Папа взялъ себѣ на память. Отъ него я узналъ, что братъ ушелъ въ Восточную Пруссію.

— Какъ же тебѣ было?—интересуется мать.

— Превосходно!—весело отвѣчаетъ юноша.— Скоро подлѣчусь и поѣду назадъ въ армію...

На вопросъ, много ли у нихъ въ полку было добровольцевъ, юноша Л. отвѣчаетъ:

— 18. И всѣ одного со мной возраста.

ВЪ ПЛѢНУ У НѢМЦЕВЪ.

(Изъ разсказовъ раненыхъ).

Среди доставленныхъ въ Петроградъ раненыхъ находятся нѣсколько нижнихъ чиновъ, пробывшихъ въ теченіе двухъ дней въ плѣну у нѣмцевъ и потомъ освобожденныхъ нашими войсками:

Вотъ разсказъ одного изъ нихъ.

— Я былъ раненъ въ бою у Мазурскихъ озеръ. Рана была пустяковая, но начальникъ части заставилъ меня отправиться

въ госпиталь. Вскорѣ послѣ моего прихода въ госпиталь, вблизи его начали падать снаряды. Мы подняли флагъ Краснаго Креста, однако, нѣмцы не только не прекратили огонь, но наоборотъ, еще усилили его. Мы нѣсколько разъ мѣняли мѣста, но нѣмцы пристрѣливались къ намъ.

Такъ продолжалось два дня. На второй день, вечеромъ, нашему госпиталю было отдано приказаніе перемѣнить мѣсто стоянки. Мы направились по назначенію. Около 2-го Мазурскаго озера на нашъ госпиталь напала нѣмецкая кавалерія и стала его разстрѣливать. Мы легко раненые бросились въ разсыпную, укрывшись въ лѣсу. Вскорѣ выстрѣлы прекратились. Я направился лѣсомъ по направленію къ линіи нашихъ войскъ. Пройдя часа два, я вышелъ на опушку лѣса подлѣ небольшого хутора, гдѣ увидѣлъ нашихъ сестрицъ и докторовъ, перевязывавшихъ раненыхъ. Я рѣшилъ, что набрелъ на нашъ перевязочный пунктъ и направился къ хутору. Шагахъ въ 50-ти отъ хутора на меня набросились нѣсколько нѣмцевъ, которые сбили меня съ ногъ и поволокли на хуторъ. Оказалось, что нашъ госпиталь былъ взятъ нѣмцами. Давъ намъ переночевать на хуторѣ, утромъ нѣмцы погнали раненыхъ пѣшкомъ въ городъ, издѣваясь надъ ними. Въ городѣ насъ размѣстили въ большомъ каменномъ домѣ, гдѣ продержали два дня безъ всякой пищи,—кормились мы хлѣбными сухарями, которые приносили намъ наши доктора и сестрицы въ карманахъ и подъ халатами. На третій день, утромъ, мы замѣтили, что нѣмецкое населеніе покинуло городъ,—остались только солдаты.

Въ полдень послышались пушечные выстрѣлы. Я догадался, что это подходятъ наши и рѣшилъ бѣжать, и вышелъ во дворъ. Мнѣ повезло... Вблизи разорвался нашъ снарядъ, который привелъ нѣмцевъ въ замѣшательство. Я воспользовался этимъ и успѣлъ проскользнуть въ ворота.

Проблуждавъ съ полчаса, я вышелъ за городъ, гдѣ увидѣлъ нашихъ солдатиковъ.

Я побѣжалъ къ нимъ навстрѣчу, крича:

— Братцы! Въ городѣ нашъ госпиталь, спасайте раненыхъ!

Солдаты услышали меня и бросились къ госпиталю.

Оправившіеся было послѣ взрыва снаряда нѣмцы, увидѣвъ нашихъ, пустились бѣжать, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ по госпиталю. Вскорѣ весь городъ былъ занятъ нашими войсками и нашъ госпиталь былъ окончательно освобожденъ изъ нѣмецкаго плѣна.

ВЗЯТІЕ ОРУДІЯ.

Г. Никаноровъ передаетъ въ «Новомъ Времени» разсказы о взятіи орудія у непріятеля.

Подъ офицеромъ, стремившимся къ непріятельскому орудію и уже раненымъ, хотя онъ своей раны не замѣтилъ, была убита лошадь, которая придавила подъ собою офицера. Въ моментъ паденія офицеръ замѣтилъ, что къ орудію прорывается вахмистръ, но на пути ему попался здоровый нѣмецъ, съ которымъ вахмистръ схватился грудь съ грудью. Нѣмецъ впился руками въ горло русскому солдату,—еще секунда, и нашъ солдатъ будетъ сломленъ. Офицеръ, напрягши послѣднія усилія, кое-какъ извернулся подъ придавившей его лошадью, выхватилъ револьверъ и третьею пулею уложилъ нѣмца. Освободившійся вахмистръ однимъ прыжкомъ очутился у орудія и съ побѣднымъ «ура» вскочилъ на него верхомъ. Когда подбирали раненыхъ, офицеръ, уже теряя сознаніе, сказалъ подававшимъ ему помощь: «Не забудьте передать командиру полка, что первымъ подошелъ къ орудію вахмистръ М...» и впалъ въ забытье.

Вахмистра представили командиру полка. Командиръ благодарилъ вахмистра за молодчество и сказалъ, что представитъ его къ Георгію.

— Дозвольте доложить, ваше превосходительство, Георгія нужно не мнѣ, а господину ротмистру В. Ихъ благородіе застрѣлили нѣмца, который меня душилъ, а то мнѣ не то что подойти къ пушкѣ, а живому бы не быть. Такъ Георгій слѣдуетъ ихъ благородію...

ГЕРОЙ ВЕЛОСИПЕДИСТЪ.

«См. В.» разсказываетъ, со словъ раненыхъ, о подвигѣ солдата-велосипедиста, который на развѣдкѣ попалъ въ яму, вырытую поперекъ шоссе нѣмцми.

Не имѣя возможности вытащить велосипедъ, солдатикъ оставилъ его и благополучно, подъ градомъ пуль, добрался до своихъ. Германцы хотѣли взять велосипедъ, но русскіе не давали имъ къ нему приближаться.

— Жаль,—говоритъ солдатъ,—было отдавать хорошую машину врагу. Перекрестился я и потомъ пошелъ прямо къ велосипеду,—продолжалъ онъ совершенно хладнокровно.

Нѣмцы стали пускать по смѣльчаку пули цѣлыми пачками.

— Ничего не вижу передъ собой—разсказываетъ солдатъ, —кромѣ велосипеда. Иду и иду. Подошелъ. Вынулъ переднее колесо. Посмотрѣлъ — цѣла машина. Сѣлъ и поѣхалъ къ своимъ.

СИМВОЛИЧЕСКІЙ «ТРОФЕЙ».

«Земщина» разсказываетъ:

Когда командиръ нѣмецкаго драгунскаго полка потребовалъ, чтобы городской голова города Калиша Буковинскій вышелъ навстрѣчу и вручилъ ключи отъ города, Буковинскій былъ поставленъ въ большое затрудненіе.

— Гдѣ взять ключи, которыхъ никогда небывало. Жена Буковинскаго предложила мужу поднести нѣмцамъ ключъ отъ свинного хлѣва, такъ какъ этотъ ключъ былъ большого размѣра.

Нѣмецкій полковникъ принялъ подношеніе за настоящіе ключи и заявилъ:

— Я перешлю нашъ трофей императору Вильгельму II».

РУССКІЕ И НѢМЦЫ.

Какъ разсказываютъ раненые, солдаты такъ геройски вели себя въ послѣднихъ бояхъ, что совершенно не думали о сыпавшихся вокругъ пуляхъ.

При перебѣжкахъ не желали останавливаться.

На нѣмцевъ лѣзли, какъ бѣшеные.

И нѣмцы не выдержали.

Въ бою подъ Сталлупененомъ взята масса германскихъ плѣнныхъ.

Захваченныя пушки совершенно цѣлы. Отступая, нѣмцы даже побросали зарядные ящики, и наши подобрали ихъ цѣликомъ.

По утвержденію участниковъ боя 4 августа, всюду въ нѣмецкихъ селеніяхъ и городахъ, куда входили русскія войска, ихъ встрѣчали дружелюбно.

Нѣмецкія женщины приносили провизію, живыхъ куръ, десятками пригоняли свиней.

— Германскій солдатъ—автоматъ,—разсказываетъ одинъ

изъ раненыхъ вольноопредѣляющихся:—безъ приказа начальства онъ не въ состояніи оріентироваться въ самомъ несложномъ положеніи.

За артиллеріей германцы еще чувствуютъ себя увѣренно; но когда имъ приходится итти или принимать атаку, они теряются.

Въ такую минуту наша рѣшительность побѣждаетъ.

За шесть дней мы прошли впередъ по германской территоріи на большое разстояніе.

По общимъ отзывамъ нашихъ раненыхъ, германскіе пѣхотинцы стрѣляютъ плохо.

Германскіе солдаты питаются, главнымъ образомъ, консервами.

Почти всѣ задержанные нашими солдатами плѣнные или раненые прежде всего просили воды.

Въ мирное время нѣмецкіе солдаты получали за обѣдомъ всегда пиво. Теперь пиво отмѣнено, и солдаты утоляютъ жажду водой.

ПОДВИГЪ ГУСАРА.

— Дѣло очень жаркое было, подступили мы къ маленькой деревушкѣ и осторожно подвигались по правому берегу небольшой рѣчки. Неподалеку отъ насъ показался небольшой конный отрядъ. Совсѣмъ было пальбу по нимъ открыть собрались, да вдругъ они намъ кричатъ: «Свой!». Нашъ разъѣздъ былъ небольшой, и мы должны были узнать, гдѣ нѣмецъ засѣлъ. Тогда я говорю нашимъ: «Подождите-ка здѣсь, братцы, а я спѣшусь, подползу къ опушкѣ и все разузнаю». Въ Манджуріи мнѣ такъ часто приходилось. Спѣшился я, значитъ, и началъ прокрадываться къ опушкѣ лѣса. Не доходя до нея шаговъ этакъ десять,—гляжу, блестятъ двѣ нѣмецкихъ каски. Ну, думаю, съ двумя-то нѣмцами я справлюсь, и сразу кинулся на нихъ. Одного прикладомъ стукнулъ, онъ тутъ же свалился, а другого пришлось штыкомъ, онъ тоже сразу упалъ. Гляжу,—а нѣмцевъ еще человѣкъ 10 въ кустарникѣ спрятались. Я думалъ, ихъ только двое, да остальныхъ касокъ-то я сразу и не замѣтилъ. Отступать, конечно, уже

поздно было. Я кинулся, что есть мочи на нѣмцевъ, стукнулъ изо всей силы одного, который поближе, прикладомъ, а у другого нѣмца пику выхватилъ и прокололъ его.

Нѣмцы растерялись, двое бросились бѣжать, а остальные побросали пики, подняли руки вверхъ и начали что-то бормотать на своемъ языкѣ. «Въ плѣнъ, дескать, сдаемся».

Я первое время даже было смутился,—вотъ ужъ не ожидалъ чего, чтобы одному семь человѣкъ сдалось! Нѣмцевъ, значитъ, всего 13 человѣкъ было, четырехъ-то я изъ нихъ изъ строю вывелъ, двое убѣжали, а семерыхъ оставшихся я и повелъ къ своимъ. А наши ужъ подъѣзжали, — потому нѣмцы и перепугались. Сдалъ я имъ, значитъ, плѣнныхъ,—вотъ потѣха была! Наши давай меня поздравлять: — Ай да Моисеенко,—чуть ли не цѣлый эскадронъ нѣмцевъ одинъ привелъ! А тутъ случай. Когда я нашимъ плѣнныхъ сдавалъ — двое нѣмцевъ, которые были убѣжамши, палить начали по насъ изъ лѣсу—вотъ одной пулей и руку раздробило. Большая охота у насъ была этихъ нѣмцевъ поймать, да время было поворачивать.

Меня помѣстили въ Красный Крестъ и вотъ здѣсь съ нами такая исторія приключилась. Заночевали мы въ одной деревушкѣ и нашъ отрядъ помчался дальше, а мы въ Красномъ Крестѣ замѣшкались.

Наши уѣхали, а вдругъ черезъ часъ, эдакъ, нѣмецкій конный отрядъ появился. Нашъ докторъ объяснилъ имъ, что мы изъ русскаго «Краснаго Креста»,—насъ нѣмцы сначала не тронули. Но не прошло и минутъ пятнадцать, какъ наши появились и открыли по нѣмцамъ пальбу. Тогда нѣмцы захотѣли нашъ Красный Крестъ впередъ поставить, чтобы наши не смогли палить изъ-за насъ по нѣмцамъ, да докторъ нашъ началъ кричать ихнему командиру. Тому, должно быть, совѣстно стало, и насъ тогда отвели въ избу, куда пули уже не долетали.

— Вотъ, немного поправлюсь,—опять въ армію вернусь. Дай-Богъ поскорѣе,—закончилъ свой разсказъ Моисеенко.

---

4 ПРОТИВЪ 38.

(Боевой эпизодъ).

Приводимъ письмо отъ раненаго подпрапорщика-стрѣлка, въ которомъ описанъ одинъ изъ эпизодовъ текущей войны, характеризующій великолѣпную мѣткость и хладнокровіе нашихъ молодцовъ-стрѣлковъ.

«Мы подвигались вдоль полотна желѣзной дороги,—пишетъ раненый,—спѣша занять удобныя для обстрѣливанія непріятеля возвышенности, и, къ нашему удовольствію, наткнулись на вырытые и оставленные нѣмцами окопы.

Занявъ окопы, мы открыли по нѣмецкимъ колоннамъ сильный огонь и уже успѣли ихъ здорово обстрѣлять, какъ замѣтили, что непріятельская артиллерія «нащупала» нашу цѣпь, и шрапнели то и дѣло разрывались надъ нашими головами. Пришлось окопы оставить и переползти въ близъ лежащее клеверное поле.

Вскорѣ непріятельскія колонны настолько удалились, что мы прекратили огонь, чему были очень рады, т. к. патроновъ осталось очень мало, а у меня и совсѣмъ вышли.

Вдругъ подбѣгаетъ нашъ стрѣлокъ и говоритъ мнѣ, что рядомъ съ нами сильная нѣмецкая цѣпь.

Я такъ и обомлѣлъ. Смотрю въ бинокль и насчиталъ нѣмцевъ человѣкъ сорокъ. Но ужъ понадѣялся на своихъ ребятъ, да и на то, что нѣмцы совсѣмъ паршиво стрѣляютъ, отобралъ троихъ, у которыхъ патроновъ осталось побольше, а самъ взялъ винтовку и патроны у раненаго и поползли къ непріятельской цѣпи.

Подползли, этакъ, шаговъ на 200. Я и говорю: смотри же ребята, патроновъ мало, такъ чтобы ни одного патрона на вѣтеръ не пускать. Потомъ назначилъ ефрейтору В. 10 нѣмцевъ съ лѣваго фланга, слѣдующимъ также по 10, а для себя оставилъ остальныхъ и открыли огонь.

Смотримъ и нѣмцы поднимаютъ руки и каски на штыкахъ, а головы прячутъ.

Мы перестали стрѣлять и призадумались, какъ же это мы 40 нѣмцевъ вчетверомъ въ плѣнъ возьмемъ. Ну, думаю, попробуемъ. Только крикнулъ, чтобы ружья побросали и впередъ выходили по одному, какъ они вдругъ по мнѣ залпъ... Ахъ, вы, черти, ругнулся я, прилегъ снова въ клеверъ и ужъ приказалъ перестрѣлять всѣхъ.

Черезъ двѣ минуты, смотримъ,—у нѣмцевъ никакого шевеленія.

Осторожненько подползли, смотримъ, — всѣ лежатъ перебиты; только двое раненыхъ, а остальные—наповалъ.

Посчитали тогда нѣмцевъ, оказалось, 38 человѣкъ, изъ которыхъ два офицера».

ГЕРОИНЯ.

Маленькій городъ Этонъ, въ департаментѣ Мэзъ, подвергся двумъ бомбардировкамъ. Жертвъ много. Пламя охватило городъ. Почтово-телеграфной конторой этого городка завѣдывала молодая дѣвушка. Не поддавшись чувству страха, молодая дѣвушка не покинула своего поста даже тогда, когда снаряды стали падать близъ зданія почтовой конторы. Оставаясь въ конторѣ, она телефонировала въ Верденъ о происходящемъ. Верденскій начальникъ почты, принимавшій по телефону донесенія отважной женщины, вдругъ услыхалъ:

— Бомба попала въ контору...

На этомъ голосъ ея прервался. Въ телефонѣ послышался какой-то гулъ, и все стихло.

РѢДКІЙ ГЕРОЙ.

Находящійся на излеченіи въ московскомъ Лефортовскомъ военномъ госпиталѣ участникъ боевъ подъ Сталупеномъ, поручикъ Л., разсказываетъ о геройскомъ подвигѣ нижняго чина пулеметной роты Максима Кашеварова. Среди чиновъ пулеметной команды разорвалась нѣмецкая граната. Кашеварову оторвало ногу. Понимая, что онъ, какъ наводчикъ пулеметовъ, очень нуженъ, Кашеваровъ потребовалъ, чтобы ему сдѣлали перевязку тутъ же на позиціи; отправиться на перевязочный пунктъ въ лазаретъ онъ отказался, и безъ ноги, истекая кровью, остался на своемъ посту до конца боя, внося мѣткой стрѣльбой изъ пулеметовъ опустошеніе въ нѣмецкихъ войскахъ. Я былъ очевидцемъ,—говоритъ подпоручикъ Л.,— какъ градомъ пуль, сыпавшихся изъ пулемета изувѣченнаго Кашеварова и его товарищей былъ сметенъ цѣлый нѣмецкій полкъ.

ВЪ ПОЛЬШѢ.

(Изъ письма запаснаго).

Не ожидалъ того, что здѣсь есть.

Въ Москвѣ былъ необычайный подъемъ, а въ Варшавѣ еще больше. Такого, прямо неотразимаго сочувствія Россіи я никакъ не ожидалъ. Оно несомнѣнно. Когда мы проѣзжали Польшу, казалось, населеніе относится къ намъ сдержанно, не какъ въ русскихъ губерніяхъ. Но это оттого, что встрѣчи, разлуки и «ура» должно быть пріѣлись, потому жители выказывали равнодушіе. Но въ Варшавѣ не то:

— Въ Россіи думали, что мы поднимемъ мятежъ, но глубоко ошиблись,—говорятъ въ Варшавѣ.

Слово «русскіе» здѣсь не слышно. Говорятъ только «мы» и «наши»: наши наступаютъ, наши перешли границу... Такого расположенія я не ожидалъ: мы, русскіе солдаты—герои дня. Въ добровольцы просятся тьмы варшавянъ. Конечно, здѣсь играетъ большую роль и то, что въ арміи много поляковъ. Ихъ много провозятъ раненыхъ, и всѣ они, наравнѣ съ русскими, не признаютъ команды «назадъ». Раненые офицеры, пріѣзжающіе съ поля битвъ, только и говорятъ, что словъ «кругомъ» и «назадъ» хоть и не командуй.

— Мы назадъ не идемъ!

Сначала мобилизаціи въ Польшѣ боялись прихода нѣмцевъ, а теперь успокоились...

БОЙ ВЪ ОБЛАКАХЪ.

Корреспондентъ «Р. Вѣд.» передаетъ описаніе воздушнаго боя, сдѣланное очевидцемъ Луиджи Борцини:

Въ Валансьенѣ показался на высотѣ около тысячи метровъ германскій аэропланъ. Онъ казался неподвижно висящимъ на плавно раскинутыхъ прозрачныхъ крыльяхъ выше огромныхъ сѣрыхъ тучъ. Но онъ былъ не одинъ. Со стороны Турнэ приблизился другой аппаратъ,—маленькій, стройный, легкій, быстрый французскій аэропланъ. Враги скоро замѣтили другъ друга. Французскій аппаратъ перемѣнилъ направленіе съ очевидной цѣлью отрѣзать врагу отступленіе. Нѣмецъ не сворачивалъ, а началъ подниматься все выше,—уменьшился въ размѣрахъ, почти скрылся изъ глазъ. Французъ также поднялся, сталъ приближаться къ врагу, уменьшился въ размѣрахъ. Разстояніе между ними все больше сокращалось,

столкновеніе казалось неизбѣжнымъ. Зрителями овладѣло сильнѣйшее волненіе, безмолвно слѣдили они за этой удивительной борьбой. Нѣмецъ, слѣдя за противникомъ, не мѣнялъ направленія, а поднимался все выше, летя по-прежнему прямо впередъ,—вѣроятно, онъ везъ важныя свѣдѣнія; быть можетъ побѣда зависѣла отъ того, что онъ могъ подсмотрѣть. Казалось,онъ добился своего, его маневръ былъ слишкомъ ясенъ: онъ искалъ убѣжища въ небесахъ, хотѣлъ спрятаться въ грандіозномъ лабиринтѣ облаковъ. Онъ добрался до нихъ и исчезъ; мгновеніе онъ показался изъ-за сѣрой тучи, но слѣдующая вновь поглотила его. За нимъ устремился французъ, и въ невидимой выси продолжали свой бѣгъ.

ЕЩЕ О КАЗАКАХЪ.

Въ числѣ прочихъ раненыхъ въ Москву прибыли казаки, принимавшіе участіе въ послѣднихъ бояхъ подъ Львовымъ.

Держатся казаки весело, непринужденно и охотно дѣлятся впечатлѣніями съ окружающей ихъ публикой.

Почти съ 10-го августа наши кавалерійскіе отряды вступили въ соприкосновеніе съ непріятельскими частями, постоянно тревожа ихъ набѣгами, врѣзываясь неожиданно въ непріятельскіе транспорты и то и дѣло обрушиваясь лавой на непріятельскую конницу и пѣхоту. Нерѣдко наши казаки продѣлывали огромные переходы, далеко отбиваясь отъ своихъ центральныхъ частей и своимъ внезапнымъ появленіемъ производя панику среди австрійцевъ. Часто не слѣзали съ сѣдла въ продолженіе 3—4 дней. Участвовали чуть ли не во всѣхъ сраженіяхъ: подъ Замостьемъ, у Комарова, около Томашева и впервые на рысяхъ влетѣли во Львовъ, преслѣдуя отступавшаго непріятеля по пятамъ.

О непріятельской конницѣ казаки отзываются съ пренебреженіемъ. Со смѣхомъ и прибаутками разсказываютъ о венгерскихъ кавалеристахъ, которые выступаютъ въ бой «словно на парадъ»: въ красныхъ доломанахъ и синихъ рейтузахъ, а иногда и во всемъ красномъ: «точно черти изъ ада».

Какъ объ одномъ изъ эпизодовъ похода, разсказываютъ казаки о взятіи въ плѣнъ подъ Томашевымъ 282 австрійцевъ. Еще съ вечера 16-го августа одинъ изъ казачьихъ разъѣздовъ выслѣдилъ около Томашева—въ лѣсу расположившійся на отдыхъ австрійскій пѣхотный отрядъ. Казаки (ихъ было около 20—25 человѣкъ) тихо спѣшились и увели лошадей вглубь

лѣса, чтобы не было слышно ржанія. Ночью—около часу—рѣшено было по сигналу произвести одновременное нападеніе съ трехъ сторонъ; казачій отрядъ раздѣлили на три группы и разсыпался по лѣсу. Въ одномъ мѣстѣ подходившіе къ австрійскому лагерю казаки были встрѣчены окрикомъ—на польскомъ языкѣ—сторожевого солдата.

Одинъ изъ казаковъ—тоже по-польски—отвѣтилъ: «свои». Въ тотъ же моментъ часовой ударомъ шашки былъ, какъ выражаются казаки, «снятъ». Казаки съ трехъ сторонъ закричали «ура» и открыли бѣглый ружейный огонь по лагерю. Обезумѣвшіе австрійцы,—среди нихъ, какъ потомъ выяснилось, было много поляковъ, чеховъ и сербовъ,—вообразили, что они окружены серьезными силами. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ рѣшили сдаться. Многіе изъ чеховъ становились на колѣни, бросали ружья и кричали: «Твой Богъ—мой Богъ».

Разсказываютъ казаки и о взятіи Львова. Мѣстность, по ихъ описаніямъ, около Львова лѣсистая. Городъ расположенъ на высокихъ холмахъ и очень красивъ.

Все время—до взятія города—гремѣла орудійная канонада. Принимала участіе во взятіи передовыхъ львовскихъ укрѣпленій, главнымъ образомъ, пѣхота; наши кавалерійскія части при этомъ почти не участвовали. Только послѣ того, какъ нашъ лѣвый флангъ произвелъ натискъ на австрійскіе отряды, непріятель дрогнулъ, а вскорѣ обратился въ паническое бѣгство, оставляя на своемъ пути орудія, пулеметы, транспорты съ фуражемъ и провіантомъ. По пятамъ непріятеля влетѣла наша конница—это случилось около 9 час. утра. Къ 11 часамъ утра 21-го августа въ городъ вступилъ при звукахъ военной музыки ген. Рузскій и остальныя части нашего войска.

Городъ, по разсказамъ казаковъ, отъ бомбардировки почти не пострадалъ.

Въ тотъ же день, по вступленіи въ городъ, казаки были отправлены на новую рекогносцировку,—гдѣ разсказчикъ и былъ легко раненъ.

КАЗАЧЬЯ СКРОМНОСТЬ.

(Разсказъ казака).

На дняхъ донской казакъ, есаулъ П. прислалъ своей женѣ письмо, часть котораго приводимъ здѣсь.

«4 августа у меня было жаркое лѣто съ нѣмцами. Вышло такъ: Нашъ полкъ былъ двинутъ отдѣльно впередъ. Въ голову полка выдвинули мою сотню.Все шло хорошо. Съ частью сотни передъ вечеромъ я подошелъ къ нѣмецкому городку. Въ головѣ идетъ хорунжій Л., котораго я послалъ узнать занятъ ли городъ, а самъ съ семью казаками жду. Вдругъ вижу, что Л. со своими молодцами летитъ ко мнѣ и кричитъ: насъ догоняетъ эскадронъ нѣмцевъ. Мои молодчики собрались около меня, мы перекрестились и бросились на нихъ. У нихъ убили четырехъ офицеровъ и много нижнихъ чновъ. Они не выдержали и побѣжали назадъ. Мы за ними. У меня убитъ одинъ казакъ и 5 ранено. Я раненъ въ лѣвую ногу».

Такое письмо прислалъ удалецъ-есаулъ своей женѣ.

На другой день прибылъ раненый казакъ и разсказакъ подробности этого боя. Начало такое же какъ въ письмѣ. Эскадронъ, болѣе 150 человѣкъ, мчался съ горы на кучку казаковъ, которые выстроились и помчались имъ навстрѣчу. Шагахъ въ 30 впереди всѣхъ мчался есаулъ П. прямо на командира нѣмецкаго эскадрона, тоже вырвавшагося впередъ. Оба сшиблись. Конь у есаула П. сѣлъ на заднія ноги. Сверкнули шашки и бойцы обмѣнялись ударами. Есаулъ П. оказался легко раненымъ въ голову. Въ этотъ моментъ подоспѣлъ на помощь своему командиру урядникъ и ударомъ шашки наотмашъ рѣзанулъ поперекъ лица офицера, и голова нѣмца отлетѣла совершенно отрубленная. Оправившійся есаулъ П. врѣзался въ ряды непріятеля и рубилъ направо и налѣво. Всѣ нѣмецкіе офицеры были изрублены, и остатки непріятельскаго эскадрона бросились наутекъ, отстрѣливаясь на ходу. Во время погони пуля попала въ ногу есаула П. и онъ свалился съ коня. Рана серьезная, и его доставили въ госпиталь. За молодецкое дѣло есаулъ П. представленъ къ Георгію.

Есаулъ П. лежитъ въ госпиталѣ въ одномъ изъ пограничныхъ городовъ, о чемъ онъ, какъ и о своей ранѣ въ голову, къ счастью не опасной, даже, по своей скромности, не написалъ, равно какъ не описалъ геройскаго подвига и своего, и своихъ «молодчиковъ».

ПОДВИГЪ РАНЕНАГО.

«С.-З. Гол.» сообщаетъ о высокомъ подвигѣ человѣколюбія солдата Степана Терещенко. 15 августа въ 11 часовъ вечера подошелъ поѣздъ, направлявшійся изъ Харькова въ Вильно, къ ст. Минскъ. Черезъ 15 минутъ послѣ прибытія поѣзда вдругъ раздался на всей территоріи станціи пожарная тревога. Какъ оказывается, загорѣлись деревянные дома, расположенные передъ станціонной площадью. Уже пылалъ двухэтажный домъ. На второмъ этажѣ этого дома жила большая семья парикмахера Левина. Изъ этой семьи остался въ пылающемъ домѣ грудной младенецъ. Никто не рѣшался входить по лѣстницамъ, охваченнымъ огнемъ. Тогда приставили пожарную лѣстницу къ окну второго этажа и по ней взобрался, прибѣжавшій на помощь, солдатъ, прибывшій въ числѣ раненыхъ съ санитарнымъ поѣздомъ. Имѣя въ рукахъ зажженную свѣчу, онъ обшарилъ всѣ углы квартиры и черезъ нѣсколько минутъ показался въ окнѣ съ ребенкомъ, едва держась на ногахъ.

Подбѣжавшіе пожарные спустили его осторожно за руки по лѣстницѣ на землю. Солдатъ этотъ уже побывавшій въ бою, раненъ въ руку и ногу. Комендантомъ станціи составленъ рапортъ для донесенія по начальству о геройскомъ подвигѣ Терещенко.

БОЙ СЪ АВСТРІЙЦАМИ.

Крестьянка Б. изъ Городка, вблизи Каменецъ-Подольска, прислала своему брату въ Одессѣ письмо о боѣ, происшедшемъ между русскими и австрійцами. Приводимъ письмо почти цѣликомъ:

«Три дня тому назадъ былъ у насъ жаркій бой. Австрійское войско большой силой совершенно неожиданно показалось изъ лѣса и стало стрѣлять въ русскихъ. Нашихъ было мало, и мы начали отступать. Но зато вскорѣ подоспѣли наши бравые казаки и пѣхота, которые обошли низомъ австріяковъ и стали сильнымъ огнемъ обстрѣливать ихъ. Австрійцы испугались русскихъ и начали удирать. Но наши казаки продолжали преслѣдовать непріятеля, котораго загнали заграницу. Бабы, у которыхъ были собственныя лошади, привозили съ поля убитыхъ австріяковъ. А бабы, у которыхъ лошадей не было, копали ямы и сбрасывали туда убитыхъ. Съ нашей стороны пало нѣсколько солдатъ и одинъ офицеръ, которые похоронены возлѣ церкви. Офицеру поставили памятникъ».

РАЗСКАЗЪ. ПОДПОЛКОВНИКА.

Подполковникъ раненый въ бояхъ между Люблиномъ и Холмомъ, рисуетъ положенiе русско-австрiйскихъ сраженiй съ 10 по 17 августа въ слѣдующемъ видѣ:

— Противъ русской армiи, гдѣ я находился, былъ расположенъ лѣвый флангъ австрiйской армiи, растянувшейся между Завихвостомъ и Томашевымъ. Намъ необходимо было сдерживать наступавшiя отдѣльныя части праваго крыла и отчасти австрiйскаго центра, находившагося вблизи Каменки. Австрiйцы оказывали между Вислой и Бугомъ упорное сопротивленiе. Но все же они были сломлены и мы, хотя и медленно, но подвигались впередъ.

Переходя въ наступленiе, мы имѣли столкновенiя, главнымъ образомъ, съ передовыми отрядами австрiйской армiи. Верстахъ въ 25—30 отъ Грубешова у перелѣска, мнѣ съ отрядомъ пришлось выдержать бой съ втрое сильнѣйшимъ врагомъ. Здѣсь я и былъ раненъ. Необходимо было задержать передовыя отряды лѣваго австрiйскаго крыла для того, чтобы выполнить одинъ изъ маневровъ штаба. Намъ приказано было окопаться и не отступать до приказанiя. Мы исполнили.

Кругомъ слышны были выстрѣлы. Спѣшно окопавшись и установивъ на выгодныхъ позицiяхъ орудiя, мы стояли и ждали появленiя врага.

Вскорѣ до насъ стали долетать ядра. Солдаты шутили:

— Австрiецъ щупаетъ, ищетъ насъ. —

Еще минута—и у перелѣска мы завидѣли разъѣздъ. Открыли огонь. А еще черезъ нѣсколько минутъ вокругъ насъ насъ летали ядра, шипѣли, лопались. Приказанiй отдавать не приходилось, солдаты сами понимали, что надо дѣлать. Нужно было остановить непрiятеля. Люди, между тѣмъ, гибли, и гибли. Нѣсколько разъ расположенные вблизи насъ пѣхотинцы бросались въ атаку, нѣсколько разъ отбрасывали непрiятеля и уходили снова на свои позицiи. Были моменты, когда мы находились точно въ аду: кругомъ вертѣлось, жужжало, свистѣло. Къ вечеру лишь мы получили приказъ: «Передвинься направо». Когда мною былъ отданъ приказъ къ передвиженiю, лежавшiе на животахъ солдаты не поднялись: они были почти все перебиты.

Но дѣло свое мы исполнили. Вечеромъ 17 августа я замѣтилъ, что раненъ, и ушелъ на перевязочный пунктъ.

БОЙ ПОДЪ ГОРАЕМЪ.

11-го августа, разсказываетъ одинъ изъ раненыхъ, начался бой подъ Гораемъ, въ мѣстности совершенно изрытой благодаря загражденіямъ и вообще убійственной въ топографическомъ смыслѣ.

То попадались котловины и рытвины, то холмы и густые лѣса.

Наши части подъ командою генерала N. лихо вступили въ бой чуть не съ двойными силами австрійцевъ, и, послѣ жаркаго артиллерійскаго огня, кстати сказать, обнаружившаго превосходство нашей артиллеріи передъ непріятельской, мы заставили врага отступить. Австрійцы стали подтягиваться къ своимъ главнымъ силамъ, сосредоточившимся подъ Львовымъ.

Генералъ, командовавшій всѣми нашими силами въ этомъ сраженіи, распорядился оставить на мѣстѣ сраженія для прикрытія нашего фронтальнаго передвиженія одинъ лишь корпусъ подъ командою генерала N., который выдержалъ всѣ атаки оступавшихъ соединенныхъ силъ австрійцевъ, все время находясь въ сферѣ жестокаго огня и не сходя съ коня.

Наша артиллерія оказала разрушительныя дѣйствія на всѣ укрѣпленія австрійцевъ, которые, видимо, серьезно подготовлялись къ сраженію подъ Гораемъ. Найдены были окопы, требующіе многихъ недѣль труда, водоемы, залитые на большой глубинѣ, и фугасныя поля.

Въ этой битвѣ нашъ корпусъ, зараженный безстрашіемъ своего командира, сражался геройски и, несмотря на жестокій перекрестный огонь изъ окоповъ на юго-западъ отъ Горая и перекидной артиллерійскій огонь изъ-за лѣса, лихо двигался впередъ въ атаку, заставивъ австрійцевъ отступить и бѣжать въ безпорядкѣ.

Какъ только мы бросились въ штыки, австрійцы не выдержали и часть побѣжала, а часть стала сдаваться съ оружіемъ.

О МЕРТВЫХЪ НА ПОЛѢ БИТВЫ.

Прибывшіе съ австрійской границы раненые разсказываютъ трогательные подробности о своихъ павшихъ на полѣ брани товарищахъ.

— Когда кончается бой и начинаетъ стихать канонада, на полѣ сраженія взвивается флагъ Краснаго Креста и между убитыми и ранеными начинаютъ свое доброе дѣло люди съ

красными крестами на груди. Это—санитары, сестры и врачи. Они неслышными шагами тихо переходятъ отъ группы къ группѣ. Осторожно отдѣляютъ живыхъ отъ мертвыхъ, торопятся оказать помощь «экстреннымъ», ободряютъ ласковыми словами легко раненыхъ, просятъ ихъ потерпѣть, обождать очереди.

Часто послѣ грохота битвы на полѣ раздается тихое похоронное пѣніе. Священники отпѣваютъ сложенныхъ въ ряды умершихъ, для которыхъ товарищи, оставшіеся въ живыхъ, роютъ братскія могилы. Послѣ отпѣванія въ могилы кидаютъ горсти земли, батюшка осѣняетъ павшихъ въ бою воиновъ крестомъ и могила закапывается подъ тихое пѣніе солдатъ.

То тамъ, то тутъ требуютъ священника къ умирающему, который проситъ благословить его «на жизнь безконечную».

Иногда, если есть время, солдаты изъ вѣтокъ дѣлаютъ небольшіе кресты и водружаютъ ихъ надъ братскими могилами.

Священники не всегда ожидаютъ конца сраженія, иногда они съ крестомъ въ рукахъ идутъ въ ряды сражающихся, благословляютъ ихъ на подвигъ ратный.

При уборкѣ раненыхъ послѣ бытвы въ общей работѣ сливаются санитарные отряды враждующихъ лагерей. Всѣ заняты отборкой своихъ къ своимъ. Раненыхъ австрійцевъ обходятъ съ напутствованіемъ ксендзы и пасторы.

Послѣ одного жаркаго сраженія на полѣ осталось нѣсколько убитыхъ австрійскихъ офицеровъ. Австрійцы на этотъ разъ бѣжали и не успѣли похоронить своихъ. Вѣсть о томъ, что нѣсколько австрійскихъ офицеровъ лежатъ непогребенными, дошла до русскаго лагеря. Дѣло было близъ Люблина. Русскіе офицеры, узнавъ, что убитые офицеры—сербы австрійскіе подданые, рѣшили похоронить ихъ. Нѣсколько офицеровъ отправились въ Люблинъ, купили тамъ вѣнковъ, крестъ и цвѣтовъ. Затѣмъ убитыхъ обмыли, вырыли для нихъ братскую могилу, и православный священникъ предалъ ихъ землѣ по христіанскому обряду. Офицеры водрузили надъ могилой крестъ, убрали его вѣнками и сдѣлали сердечную надпись о павшихъ въ честномъ бою воинахъ.

НА ЛЮБЛИНСКОМЪ ФРОНТѢ.

Прибывшіе въ Москву раненые офицеры рисуютъ слѣдующую картину боевъ на австрійскомъ фронтѣ. Бой при Раханѣ, изобилующій цѣлыми рядами эпизодовъ, начался 13-го августа. Еще съ утра нами было начато одновременно фронтальное и лѣво-фланговое наступленіе на позиціи противника, занявшаго небольшіе склоны, поросшіе лѣсомъ, у дер. Рахане.

Главная операціонная база австрійцевъ находилась въ то время въ Томашовѣ.

Вскорѣ послѣ открытія орудійной канонады и бѣшенаго пулеметнаго огня съ обѣихъ сторонъ наши пѣхотныя части кинулись въ атаку. Стремительнымъ натискомъ непріятель былъ выбитъ изъ окоповъ и сталъ отступать за деревню, вглубь лѣса. Одновременно предпринятое нами лѣво-фланговое движеніе подвигалось не менѣе успѣшно. Видя, что непосредственной связи съ главной операціонной базой у непріятеля не имѣется, посланныя нами въ обходъ праваго крыла австрійцевъ пѣхотныя части послѣ жестокой ружейной перестрѣлки стали захватывать противника съ тыла.

Тѣмъ временемъ, не видя предъ собой убѣжавшаго непріятеля, наши фронтальныя части прекратили преслѣдованіе и отошли.

Стали понемногу отходить и фланговыя части. Шли по лѣсной дорогѣ, невдалекѣ отъ которой лежали собранные мѣстными крестьянами высокіе скирды. И на этотъ разъ австрійцы не удержались отъ предательской хитрости. Въ то время, какъ наши части, прекративъ преслѣдованіе, стали отходить обратно къ деревнѣ, многіе изъ бѣжавшихъ австрійцевъ притаились за скирдами. Туда же потихоньку, незамѣтно были выдвинуты ими и пулеметы. По проходвшимъ невдалекѣ русскимъ частямъ былъ открытъ жестокій пулеметный огонь. Къ счастью, при дорогѣ оказалась канава, въ которой моментально залегли наши стрѣлки. Завязалась перестрѣлка. Перестрѣлка была тотчасъ же замѣчена возвращавшимся съ удачнаго боя нашимъ право-фланговымъ отрядомъ подъ командой ген. Б. Послѣднимъ былъ отданъ приказъ итти на подмогу. Черезъ какой-нибудь часъ остатки австрійцевъ поспѣшно бѣжали, оставивъ въ нашихъ рукахъ много плѣнныхъ. Слѣдующій бой разыгрался уже подъ Комаровымъ. Бой начался рано утромъ 16-го августа. Австрійцы снова заняли расположенный полукругомъ лѣсъ, имѣя въ центрѣ этого полукруга дер. Яновку, въ которой сосредеточились крупныя резервныя

силы. Одновременно нашими войсками были предприняты три наступленія: съ фланговъ и съ фронта.

Успѣшно дѣйствовавшимъ нашимъ правымъ крыломъ непріятель былъ оттѣсненъ сначала къ центру, а нѣсколько позднѣе къ своему правому крылу. Въ виду малочисленности нашихъ войскъ на лѣвомъ флангѣ наши операціи были принуждены здѣсь нѣсколько задержаться, чѣмъ рѣшилъ воспользоваться противникъ, выславъ цѣлый кавалерійскій полкъ для обхода нашего лѣваго крыла.

Расчетъ непріятеля былъ разрушенъ одной только сотней казаковъ: какъ птицы, вынырнули они изъ густого кустарника и стремительнымъ налетомъ расшибли весь австрійскій полкъ на-голову.

Въ виду подхода новыхъ австрійскихъ силъ сраженіе затянулось на нѣсколько дней.

По послѣднимъ извѣстіямъ—положеніе австрійцевъ на этомъ фронтѣ плачевное.

ЭПИЗОДЪ ВОЙНЫ.

Одинъ изъ прибывшихъ съ театра войны раненыхъ разсказываетъ слѣдующій интересный эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ одномъ изъ боевъ въ Восточной Пруссіи.

— Наша рота, все время обстрѣливая непріятеля, вышла на небольшую полянку, поросшую низкимъ, молодымъ лѣскомъ.

Перестрѣлка не умолкала ни на минуту.

Вдругъ одинъ изъ моихъ товарищей, все время державшійся отъ меня на разстояніи 1—2 шаговъ, какъ то сразу выбросился всѣмъ корпусомъ впередъ и въ слѣдующій моментъ, вытянувшись во весь ростъ, быстро рухнулъ на спину.

Вся грудь его сразу окрасилась кровью.

Я бросился къ нему, но почувствовалъ въ этотъ моментъ сильный ожогъ всего тѣла и предъ глазами все затуманилось...

Когда я очнулся, вокругъ царила полная тишина. Надо мной растилалось голубое небо, и только тупая ноющая боль во всемъ тѣлѣ вернула меня къ печальной дѣйствительности.

У меня оказалась прострѣленной нога выше колѣна.

Съ трудомъ поднявшись на колѣни, я увидѣлъ рядомъ съ собой моего товарища лежащимъ безъ чувствъ.

У него было навылетъ престрѣлено горло.

Кое-какъ я перевязалъ его рану носовыми платками.

Вокругъ все было тихо.

Я рѣшилъ добраться до санитарнаго пункта, до котораго было по моимъ разсчетамъ, не менѣе пяти верстъ.

Кое-какъ поставивъ на ноги моего товарища, я отправился съ нимъ въ путь.

Каждый шагъ стоилъ намъ колоссальныхъ усилій.

Такъ протащились мы нѣсколько десятковъ саженъ.

Вдругъ, когда мы свернули за уголъ небольшого лѣска, мы увидѣли прусскаго солдата, который, припавъ на одно колѣно, цѣлился въ насъ изъ винтовки..

Неожиданное появленіе врага меня ошеломило.

А пруссакъ все цѣлился—еще моментъ и онъ выстрѣлитъ.

Тогда я, быстро приставивъ полуживого товарища къ стволу дерева, поднялъ винтовку, прицѣлился и выстрѣлилъ.

Пруссакъ не шелохнулся—значитъ, я промахнулся.

Я ждалъ выстрѣла пруссака, но его не послѣдовало.

Я былъ такъ удивленъ, что больше не стрѣлялъ.

Прошло нѣсколько секундъ. Пруссакъ все цѣлится.

Тогда, взявъ ружье на перевѣсъ, я бросился къ нему.

Пруссакъ былъ по-прежнему недвижимъ.

Онъ оказался мертвымъ.

Русская пуля сразила его въ тотъ моментъ, когда онъ цѣлился въ нашихъ солдатъ.

Припавъ простреленной головой къ дулу ружья, онъ такъ и застылъ въ этой позѣ.

Я развернулъ его скатанную черезъ плечо шинель, положилъ врага на землю и, накрывъ его шинелью, пошелъ къ изнемогавшему отъ раны товарищу.

Мы побрели далѣе. Черезъ нѣсколько часовъ мы были у своихъ.

НѢМЦЫ ДОБИВАЮТЪ РАНЕНЫХЪ.

Одинъ изъ раненыхъ русскихъ офицеровъ разсказываетъ, что онъ былъ очевидцемъ слѣдующей ужасной сцены въ Восточной Пруссіи.

Во время боя нашъ офицеръ былъ раненъ и, лишившись сознанія, остался на полѣ сраженія. Вскорѣ, придя въ себя, онъ увидѣлъ, что нѣсколько германскихъ офицеровъ расхаживали по полю сраженія и тщательно разсматривали раненыхъ. Замѣтивъ ихъ, офицеры подходили къ раненымъ и переворачивая погоны, отыскивали офицеровъ.

Какъ только нѣмцы находили русскаго раненаго офицера, они пристрѣливали его изъ револьвера. Очевидцу этой ужасной картины пришлось притвориться мертвымъ, и этимъ путемъ онъ избѣжалъ омерзительной расправы.

ВЪ ИНСТЕРБУРГѢ.

(Изъ частнаго письма).

...Инстербургъ славный городъ, гораздо лучше Мемеля, все можно купить... Сейчасъ въ Инстербургѣ прямо прелесть; нѣмцы возвращаются на свои мѣста. Почти всѣ магазины открыты. По городу ходятъ наши патрули, стоятъ часовые, ходятъ нѣмцы съ бѣлыми повязками, избранные самоуправленіемъ и играющіе роль полицейскихъ. Еще очень пріятное обстоятельство: приказано считать одинъ рубль за три марки, и хотя нѣмцы и набавляютъ на все цѣну,но,все-таки, все дешево... Нѣмцы къ намъ очень милы и услужливы. Говорятъ, что войны не хотѣли и что Вильгельмъ ихъ обманулъ, что они никакъ не ожидали, что русскіе такъ культурны—не только не жарятъ ихъ дѣтей, но даже и не грабятъ ихъ;ихъбольше разграбили ихъ собственныя войска, чѣмъ наши».

БОЙ ПОДЪ ЗЛОЧЕВЫМЪ.

Въ Житоміръ прибылъ раненый подпоручикъ К., участникъ боя подъ Злочевымъ.

— 13 августа,—говоритъ г. К.,—нашъ полкъ двинулся по направленію къ Злочеву.

Около лѣса насъ встрѣтила дивизія австрійскаго войска, сформированная изъ «босняковъ».

Въ авангардѣ нашего полка былъ другой полкъ. Въ два часа дня мы получили приказаніе взять влѣво къ Злочеву.

Въ это время другой авангардный полкъ былъ уже въ «работѣ», ибо черезъ нѣкоторое время мы уже встрѣчали раненыхъ, которые отправлялись на перевязочный пунктъ.

Вдругъ около канавы на опушкѣ лѣса усиленный отрядъ австрійской артиллеріи открылъ по насъ сильный огонь.

Австрійцы оказались окопанными.

Огонь ихъ причинилъ намъ незначительныя потери. Наша артиллерія и пулеметы очень мѣтко отвѣчали.

Вдругъ мы получаемъ приказаніе перейти въ наступленіе.

Завязался горячій бой, длившійся до сумерекъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бой перешелъ въ штыковой, отъ каковаго австрійцы уклонялись.

Черезъ нѣкоторое время при незначительныхъ потеряхъ мы овладѣли канавой.

Австрійцы ушли въ лѣсъ.

Съ особенной бодростью и мужествомъ наши солдаты преслѣдовали австрійцевъ; благодаря густотѣ лѣса, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стрѣльба производилась въ упоръ, и мы черезъ незначительное время приблизились къ главнымъ непріятельскимъ силамъ на разстояніе 450 шаговъ.

Но жаркій бой завязался на другой опушкѣ лѣса, куда мы оттѣснили австрійцевъ.

Тамъ по насъ открыли сильный ружейный и пулеметный огонь запасныя силы австрійцевъ.

Черезъ нѣсколько минутъ весь полкъ былъ въ бою.

Австрійцы стали нступать густыми коллонами, но по всей линіи встрѣтили ожесточенный отпоръ.

Мы съ большой поспѣшностью продолжали наступать.

Однако, несмотря на большую численность непріятеля, мы къ вечеру отогнали его отъ Злочева на разстояніи 10 верстъ.

Непріяетль отступалъ, оставляя на мѣстѣ сраженія раненыхъ и убитыхъ.

Съ наступленіемъ сумерекъ бой прекратился.

Съ большимъ урономъ для австрійцевъ мы отогнали ихъ на далекое разстояніе. Отступая, Австрійцы почти ничего не разрушили на пути.

РАЗСКАЗЪ РЯДОВОГО.

Побывавшіе въ дыму боевого огня, раненые привезли съ собою живое содержаніе страшной дѣйствительности, которою сейчасъ живетъ и питается русскій народъ. Отъ нихъ повѣяло атмосферой раскаленныхъ огнемъ и обильно политыхъ кровью полей битвъ, тѣхъ полей, куда жадно устремлены наши взоры и гдѣ виситъ на волоскѣ жизньнашихъ отцевъ, мужей, братьевъ.

Въ разсказахъ нѣтъ ни малѣйшаго бахвальства. Сквозитъ

спокойное сознаніе внутренней мощи и признаніе серьезной силы врага. Эпизодическіе разсказы относятся къ первымъ боямъ, когда нашихъ силъ было на границѣ сравнительно немного и когда нерѣдки были случаи далеко неравнаго единоборства.

Насколько тяжела была служба, видно изъ того, что люди вступали въ бой съ численно превосходившимъ во много разъ противникомъ, не спавъ передъ тѣмъ четверо сутокъ.

— А что же вы дѣлали до боя?

А половина взвода работала надъ окопами, другая половина ходила въ дозоръ; потомъ мѣнялись.

Ну, вотъ, ночью-то, когда сидѣли въ окопахъ и, отдохнули бы.

— Какъ можно! Кругомъ кишитъ непріятель, конные разъѣзды. Наскочитъ въ темнотѣ и кончено. Гдѣ тутъ спать.

— А дозорные?

— Да развѣ успѣютъ дозорные упредить конницу?

— Ну, какъ австрійцы—хорошіе воины?

Ничего себѣ. Плохого нельзя ничего сказать. Хитры, больно, бестіи. Завсегда напередъ пускаютъ чеховъ.

— И что-же—чехи здорово дерутся?

Дерутся, только видно изъ подъ палки. При всякомъ удобномъ случаѣ сдаются въ плѣнъ, а потомъ даже не прочь драться вмѣстѣ съ нами противъ австрійцевъ.

— Какъ же чехамъ удается сдаваться?

— Да, теперь имъ трудненько стало. По началу они выкидывали бѣлый флагъ и вскидывали руки вверхъ. Ну, мы вѣрили, что сдаются, а потомъ австрійцы стали хитрить. Нарочно выкинутъ флагъ, а какъ подступишь—давай стрѣлять.

— Чувствовали вы страхъ во время сраженія? Страшновато?

— Нѣтъ, этого сказать нельзя. Страшно и скверно себя чувствуешь только ночью. И то потому, что ничего не видишь. Не знаешь, гдѣ притаился непріятель. Подобьетъ тебя невѣдомо откуда залпомъ, а ты отвѣтить ему не можешь. А днемъ ничего. Идешь все на виду; видишь своихъ товарищей, прешь и не думаешь о страхѣ.

— Но вѣдь тутъ же падаютъ товарищи...

— Такъ что-жъ! На это и вниманія не обращаешь. Пули свистятъ, шрапнели лопаются, а ты себѣ только цѣлишь да стрѣляешь, только и видишь врага. Нѣтъ, ничего не страшно.

СТУДЕНТЪ ДОБРОВОЛЕЦЪ,

Пѣхотинецъ на бѣломъ рысакѣ. Тяжелая желтая обувь съ накладными голенищами на зстежкахъ, и простая русская солдатская рубашка защитнаго цвѣта.

Таковъ нѣсколько необыкновенный видъ имѣетъ доброволецъ-студентъ 3-го курса юридическаго факультета университета св. Владимира—Марцель Рабиновичъ участникъ нѣсколькихъ сраженій, предшествовавшихъ взятію Галича, Тарнополя и Львова. Онъ разсказываетъ:

Подъ Галичемъ, куда мы прибыли 13—14 августа, австрійцы выставили крупныя силы. Линія начавшихся сраженій растянулась на громадное разстояніе. Стычки и сраженія шли въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Отрядъ, въ которомъ я участвовалъ, состоялъ изъ трехъ полковъ. Позади насъ были резервныя войска. Рано утромъ нашъ центръ началъ атаку австрійцевъ частымъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ. Австрійцы упорно отвѣчали, не сдавая позиціи. Вскорѣ, однаго, они выкинули бѣлый флагъ. Это было, конечно, понято, какъ знакъ, обозначающій капитуляцію. Но какъ только мы прекратили стрѣльбу и начали быстро приближаться къ нимъ, они неожиданно открыли частый орудійный огонь. Нашъ центръ дрогнулъ и началъ отступать, энергично отстрѣливаясь. Былъ моментъ, когда у солдатъ начали истощаться патроны, а повозка, снабжавшая нашу часть патронами, долго не появлялась. И вотъ, учтя моментъ, одинъ изъ нашихъ батальонныхъ командировъ выхватилъ изъ ноженъ шашку и съ крикомъ «впередъ, въ штыки»! бросился къ непріятелю, увлекая за собой три полка. Австрійцы ощетинились, дрогнули, но не отступили. Началась жестокая рукопашная... Непріятель началъ уже пятиться, но очень медленно. Судьбу сраженія рѣшила ошибка австрійцевъ. Этимъ воспользовался нашъ лѣвый флангъ и форсированнымъ маршемъ обогнулъ одно изъ крыльевъ австрійскаго фронта, очутившись въ тылу австрійцевъ. Часть австрійцевъ шарахнулась налѣво. А другая, стоявшая ближе къ нашему, отряду обошедшему австрійцевъ съ тыла, была съ двухъ сторонъ разбита на голову. Все поле усѣялось ранеными и убитыми австрійцами... О томъ, какъ были велики потери непріятеля, можете судить хотя-бы по тому, что мы вышедшіе изъ борьбы побѣдителями, потеряли въ этомъ сраженіи 630 убитыми. Уронъ австрійцевъ былъ гораздо значительнѣе.

— Послѣ этого былъ отданъ приказъ наступать по всему фронту. Вскорѣ нами былъ занятъ Галичъ. А затѣмъ началась осада Львова. Когда я уѣзжалъ съ театра войны,—а это было еше нѣсколько дней тому назадъ,—нами было взято 4 форта.

Здѣсь, впрочемъ, работала преимущественно артиллерія.

— Отчего вы хромаете?—спрашиваютъ разсказчика.

— Осколокъ снаряда угодилъ мнѣ въ ногу. Но рана оказалась несерьезной, и я, какъ видите, нахожу даже возможнымъ гарцовать на лошади. Въ одной опасной развѣдкѣ и трехъ жаркихъ сраженіяхъ (подъ Тарнополемъ, Трамбовлей и Пидганицами) мнѣ повезло. И только подъ Галичемъ я былъ раненъ въ ногу. За участіе въ этихъ сраженіямъ я буду представленъ, какъ заявило мнѣ начальство, къ Георгію 4-й ст.

— Вы спрашиваете, какимъ образомъ я изъ пѣхотинца правратился въ кавалериста. Это было подъ Галичемъ. Насъ послали на развѣдку, коотрая велась группами. Мнѣ лично было предоставлено обслѣдовать небольшой лѣсъ. Я притаился въ гущѣ, пробираясь недалеко отъ тропинки. Вскорѣ предо мною на тропинкѣ выросъ австрійскій кавалеристъ офицеръ. Не замѣтить меня онъ не могъ. Выбирать долго не приходилось. Я прицѣлился изъ ружья, крикнувъ всаднику «руки вверхъ!». При малѣйшей съ его стороны попыткѣ сопротивляться я-бы, конечно, спустилъ курокъ. У офицера выборъ былъ одинъ—сдаться. Онъ это и сдѣлалъ. Я обезоружилъ его и повелъ въ нашу часть въ качествѣ плѣнника. Съ разрѣшенія командира полкъ лошадь предоставлена была мнѣ въ полную мою собственность. Мало того, мнѣ предоставлено было провезти ее безплатно въ Одессу. А возить ее пришлось не только по старымъ, но и новымъ нашимъ, только что завоеваннымъ дорогамъ.

— Каково настроеніе солдатъ?

— Удивительно спокойное. Увѣренность въ побѣдѣ не покидаетъ солдатъ ни на одну минуту.. Мнѣ приходилось наблюдать въ самыя жаркія минуты. Пули жужжатъ надъ головой, а они шутятъ, острятъ... Веселая тамъ жизнь. Поживу немного въ Одессѣ, полечу ногу, а тамъ думаю двинуть на прусскій театръ войны. Интересно видѣть настоящихъ нѣмцевъ. Хотя и эти—австрійскіе нѣмцы дерутся съ ожесточеніемъ. На моихъ глазахъ одинъ раненый австріецъ покушался убить раненаго русскаго... Мое вмѣшательство помѣшало этому... Со славянами изъ австрійской арміи легче воевать: если они и сражаются съ нами, то только изъ-подъ австрійскаго кнута.

БИТВА ПРИ ЦЕРЪ-ПЛАНИНѢ.

Корреспондентъ «Р. С.», вернувшійся съ передовыхъ позицій на データ Дринѣ и Савѣ, такъ описываетъ эту ставшей знаменитой битву.

Тамъ въ продолженіи пяти сутокъ, говоритъ онъ, была страшная, кровопролитная битва, въ которой храбрые, неустрашимые сербы одержали блестящую побѣду надъ численно вдвое болѣе сильнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ лучше снабженнымъ противникомъ.

Австрійцы, начавъ одновременно съ дипломатическими шагами противъ Сербіи мобилизацію своихъ войскъ, успѣли стянуть свои восемь корпусовъ къ границѣ Сербіи на десять дней раньше, чѣмъ могла закончить сосредоточеніе своихъ силъ Сербія.

Пока Сербскія войска послѣ мобилизаціи усиленными переходами стремилась къ берегамъ Савы, Дуная и Дрины, побережья эти охранялись лишь слабыми отрядами третьяго призыва, вооруженными винтовками Бердана.

Произведя развѣдки вдоль и поперекъ всей сѣверной и западной части Сербіи, австрійцы убѣдились въ томъ, что раньше первыхъ чиселъ августа сербы не въ состояніи принять бой въ этой мѣстности.

Воспользовавшись этимъ преимуществомъ, они навели мосты сразу въ четырехъ мѣстахъ: на Савѣ—близъ Шабаца и на Дринѣ—близъ Лешницы, Лозницы и Малаго Зворника, и начали сразу переправлять на сербскую территорію значительные отряды, тѣсня жиденькія обсерваціонные цѣпи третьяго призыва.

Такимъ образомъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней австрійцы успѣли перебросить черезъ Дрину и Саву пять корпусовъ, во главѣ которыхъ шелъ несчаснтый восьмой пражскій корпусъ, теперь болѣе не существующій, подъ командой фельдцейхмейстера барона Гизля, брата бывшаго австрійскаго посланника въ Бѣлградѣ.

Къ 1-му августа вся западная полоса Сербіи, отъ Шабаца до Рогатицы на Дринѣ, находились въ рукахъ противника. Занявъ почти безпрепятственно весьма важные въ стратегическомъ отношеніи хребты и отроги Церъ-Планины, Видоевицы и Верха, доминирующіе съ Сѣвера и юга надъ всѣмъ занятымъ пространствомъ, австрійцы быстро двинулись впередъ.

Ихъ планъ заключался въ томъ, чтобы ударить въ тылъ и во флангъ находившимся въ походѣ сербскимъ войскамъ, разбить ихъ по частямъ, а затѣмъ отправиться въ долину Скра-

пея, къ западу отъ р. Моравы, и долину Колубари и отсюда угрожать Кругаевацу—центру сербской Шумадіи, гдѣ находился единственный въ Сербіи оружейный заводъ.

Если бы этотъ планъ австрійцевъ удался, то, съ одной стороны, ихъ боснійская граница была бы обезпечена, а съ другой—ихъ отряды угрожали бы Моравской дилонѣ, разсѣкающей Сербію на двѣ половины. Бѣлградъ и Смедерево стали бы въ этомъ случаѣ легкой добычей австрійцевъ.

Положеніе было весьма критическимъ. Вслѣдствіе отсутствія стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ на западномъ фронтѣ, сербскія войска дѣлали нечеловѣческія усилія для того, чтобы заблаговременно подоспѣть и остановить тріумфіальное шествіе противника вглубь страны.

Одна сербская дивизія перваго призыва за восемь дней прошла 400 километровъ и пошла въ бой, передохнувъ всего только одну ночь.

Измученные усиленными переходами при 36° жары, солдаты тревожились лишь объ одномъ,—не слишкомъ ли поздно они явились для того, чтобы помѣряться силами съ противникомъ на родной сербской землѣ.

Только 31-го іюля сербы имѣли сравнительно достаточно силъ на западномъ фронтѣ для того, чтобы остановить дальнѣйшее наступленіе противника.

Немедленно былъ отданъ приказъ о наступленіи.

1-го августа, подъ впечатлѣніемъ учиненныхъ венгерскими полками звѣрствъ надъ беззащитными стариками, женщинами и дѣтьми, сербскіе отряды вихремъ двинулись къ непріятельскимъ позиціямъ, сгорая желаніемъ отомстить новымъ гуннамъ за нанесеніе обидъ мирнымъ, ни въ чемъ неповиннымъ жителямъ.

Озадаченные неожиданнымъ быстрымъ натискомъ, тѣснимые по всему фронту, со всѣхъ сторонъ сербскими войсками, пускавшими въ ходъ преимущественно штыки и ручныя бомбы, поражаемые мѣткимъ артиллерійскимъ огнемъ артиллеріи, австрійцы начали отступать по всей линіи, устремляясь къ укрѣпленнымъ пунктамъ Церъ-Планины и Иверка, гдѣ и собирались дать сербамъ генеральное сраженіе.

Собравшись у подножія Церъ-Планины и Видоевицы, сербы начали подыматься по ихъ крутымъ склонамъ подъ страшнымъ артиллерійскимъ, ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ.

Начался страшный бой, съ небольшими перерывами, длившійся полныя пять сутокъ.

Объ орудійной канонадѣ, отъ грохота взрывающихся снарядовъ стонала земля, содрогался воздухъ.

Несмотря на убійственный огонь, сербы медленно, но неуклонно подвигались впередъ, заливая своей молоденкой кровью каждую пядь святой родной земли.

Послѣ неимовѣрныхъ, титаническихъ улилій, лишь 5-го августа, поздней ночью, удалось окончательно сразить укрѣпившагося врага и овладѣть послѣдней, высшей точкой отнынѣ сдѣлавшагося историческимъ Цера, по отрогамъ котораго грудами лежали убитые,—много и сербовъ, но австрійцевъ втрое болѣе.

Пораженіе австрійцевъ было полное. Началось паническое бѣгство деморализованнаго врага, который, стремясь безъ оглядки къ переправамъ черезъ Дрину, бросалъ на пути все. Тысячи шинелей, ружей, множество пулеметовъ, огромное количество амуниціи и другихъ боевыхъ припасовъ разбросано на пути отъ Цера до Дрины.

Десятки тысячъ мертвыхъ людей, масса убитыхъ лошадей лежали на пройденномъ пространствѣ, заражая воздухъ зловоніемъ.

Предпринятая Австріей противъ Сербіи «карательная экспедиція», съ помощью Божіей, благодаря беззавѣтной любви сербовъ къ родинѣ, превратилась въ карательную экспедицію для подвластныхъ Австріи народовъ, отъ которой болѣе всѣхъ пострадали братья-чехи и отчасти братья-хорваты, на долю которыхъ, согласно адски-задуманному плану высшаго начальства, выпала обязнность стоять въ первой боевой линіи.

Восьмого пражскаго корпуса, по свидѣтельству плѣнныхъ, болѣе не существуетъ. Полки 28, 94, 9 и 102 буквально уничтожены.

Спаслись изъ братьевъ-чеховъ лишь тѣ, кто попалъ въ плѣнъ, да жалкіе остатки какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшихъ полковъ, успѣвшіе добраться до быстрыхъ водъ бушующей кровавыми струями Дрины.

ПОДЪ ГРУБЕШОВЫМЪ.

Раненый подъ Грубешовымъ подѣлился своими впечатлѣніями съ сотрудникомъ «Р.».

Собесѣдникъ раненъ двумя пулями—въ руку у локтя и въ плечо. Обѣ раны онъ получилъ овъ одномъ изъ первыхъ боевъ подъ Грубешовымъ. Затѣмъ попалъ въ плѣнъ къ австрійцамъ. Оставался у нихъ всего 6 часовъ и былъ отбитъ нашей артиллеріей.

Онъ москвичъ, торговецъ, призванный въ дѣйствующую армію изъ запаса. Несмотря на двѣ раны, очень оживленъ. Мы бесѣдуемъ въ просторной, свѣтлой и чистой палатѣ одного изъ петроградскихъ военныхъ госпиталей.

Въ палатѣ человѣкъ двадцать раненыхъ. Всѣ прислушиваются къ нашему разговору. Одни лежатъ, другіе стоятъ вокругъ койки моего собесѣдника, кое-кто вставляетъ реплики. Москвичъ приподнялся на локтѣ здоровой руки и съ большимъ оживленіемъ ведетъ свой разсказъ объ участіи въ походѣ и сраженіи.

Его часть довезли по желѣзной дорогѣ до Ковеля. Оттуда военнымъ маршемъ отправились во Владимиръ-Волынскій. Здѣсь непріятеля уже не было, но еще оставались яркіе слѣды его пребыванія. Во многихъ мѣстахъ города и въ окрестныхъ деревняхъ попадались разрушенныя и полусожженныя жилища. Еще чаще встрѣчались глубокія, выкопанныя населеніемъ, прятавшимся въ нихъ отъ ружейнаго и артиллерійскаго огня.

Разсказчикъ не находитъ словъ для описанія той трогательной встрѣчи, какую устроило здѣсь войскамъ населеніе. Навстрѣчу солдатамъ шли старики, бабы, дѣти—всѣ и несли имъ все, что могли: молоко, куръ, яйца, хлѣбъ. Угощали наперебой и чуть не на рукахъ носили. Дивизія, почти не останавливаясь во Владимирѣ-Волынскомъ, прошла дальше, къ Грубешову.

Съ непріятелемъ встрѣтились неожиданно. Какой-то другой нашъ полкъ расположился въ лѣсу обѣдать. Тутъ-то на него вдругъ нагрянули австрійцы въ значительно превосходящихъ силахъ. На помощь полку случайно подоспѣла дивизія. Благодаря такой неожиданности, къ непріятелю подошли настолько близко, что перестрѣлка велась на разстояніи не болѣе шестисотъ саженей.

Сраженіе началось около 9 часовъ утра. Съ обѣихъ сторонъ развили сильнѣйшій огонь. Но непріятель былъ въ большихъ силахъ и видимо, не намѣревался отступать. Нѣсколько разъ наши солдаты рвались перейти въ атаку, но командный составъ ихъ сдерживалъ.

Такъ прошелъ весь день. Уже начало смеркаться, а исходъ боя еще не намѣчался. Вначалѣ огонь авсрійцевъ былъ мало губительнымъ. Наша артиллерія, черезъ головы своихъ, прикрывая ихъ, обстрѣливала непріятельскія позиціи. Артиллерійскій огонь противника также направлялся къ полосѣ нашихъ батарей и войска находились какъ бы подъ крышей обстрѣла. Только гулъ былъ такой, что даже команды нельзя было разслышать.

Когда стало смеркаться, батареи замолчали и усилился ружейный огонь. Понемногу продвигаясь впередъ, наша дивизія приблизилась къ непріятелю, и ихъ раздѣляло теперь разстояніе не болѣме двухсотъ саженей. Уже хорошо было видно другъ друга. Но тутъ у нашихъ оказались разстрѣленными патроны. Не желая отступать, бросились въ атаку. Въ это-то время съ «флнка», какъ говоритъ разсказчикъ, «то есть, съ боку», затрещали пулеметы.

Подъ губительнымъ дѣйствіемъ ихъ огня пришлось-таки отойти. Разсказчикъ былъ раненъ въ руку. Все же онъ пытался поспѣть за своими. Но когда перебѣгалъ лѣсную поляну, за которой находился непріятель, вторая пуля угодила въ плечо. Сзади кто-то крикнулъ: «Ложись въ канаву, а то до смерти убьютъ», и раненый поспѣшилъ исполнить совѣтъ. Тутъ его и забрали австрійцы.

— Что же,—спрашиваю,—очень худо у нихъ было?

— Нѣтъ, господинъ, грѣхъ пожаловаться. Другіе сказывали, что обижаютъ они, это точно. Говорили, будто приканчиваютъ нашихъ. А мнѣ посчастливилось къ хорошмъ попасть. Какъ привели меня, перво-наперво они здороваться всѣ со мной стали. Потомъ одинъ табаку мнѣ тащитъ, другой сухарей, третій подошелъ—сахару кусокъ далъ. Я пить захотѣлъ, попросилъ. У нихъ воды не оказалось, такъ они мнѣ изъ своей фляжки вина дали. Ихній докторъ раны мнѣ перевязалъ.

Къ разсвѣту наши нагрянули и тутъ имъ на утеки пришлось. Отступать стали и насъ плѣнныхъ, и своихъ раненыхъ побросали. Мнѣ говорятъ—мы бы тебя взяли, да итти намъ далеко, а подводъ нѣтъ, тащиться съ тобоѣ несподручно.

— Такъ ты, братъ, не къ нѣмцамъ, а къ славянамъ попалъ,—замѣчаетъ стоящій возлѣ военныѣ врачъ.

— А кто ихъ знаетъ? Всѣ они—австріяки. Положимъ, съ нами, которые въ вагонѣ сюда ѣхали, такъ всю дорогу понашему Богу молились. Цѣловаться къ намъ все лѣзли. «Изъ-за чего, говорятъ, мы воевать должны, если одному Богу молимся? Мы—чеки».

Раненый подъ Львовомъ солдатъ весьма картинно описалъ одно изъ ожесточенныхъ львовскихъ сраженій. Онъ лежалъ въ цѣпи, въ бѣшенномъ огнѣ. Рвалась шрапнель, трещали ружья, гремѣли пушки. Лѣвый флангъ нашъ стали тѣснить.

Очень горячились наши молодые офицеры. Солдаты все ихъ оберегали.

— Намъ-то въ окопахъ лежать ничего, безопасно, а офицера ходятъ все. Ихъ и бьютъ. Жалко. Просимъ, чтобы прилегли.

— А если товарища рядомъ въ цѣпи убьютъ—видно?

А какъ же! Тутъ главная работа и есть. Сейчасъ команда—убрать убитаго. Берутъ и относятъ въ сторону. А на его мѣсто ложится новый изъ заднихъ рядовъ.

ПОДЪ ЛЬЕЖЕМЪ.

Корреспондентъ «Times'а» даетъ описаніе первыхъ дней обороны Льежа.

Трудно повѣрить, но нѣмцы шли въ атаку плечомъ къ плечу. Такъ поступалъ въ рѣшительныя минуты Наполеонъ; по его примѣру распорядились теперь нѣмецкіе генералы. Результаты этой тактики сказались немедленно. По тѣснымъ рядамъ германскихъ батальоновъ, которые гнали впередъ офицеры, былъ открытъ отчаянный огонь. Снаряды валили людей цѣлыми улицами. Трупы падали, какъ трава подъ косой.

Форты гремѣли своими тяжелыми орудіями. Пѣхота въ окопахъ сѣяла смертоносный градъ пуль. Подъ нимъ таяли германскіе отряды одинъ за другимъ, и потрясенные, обезсилѣвшіе, разбитые отходили назадъ. На смѣну имъ гнали новыя и новыя жертвы, и они шли, какъ овцы на бойню.

Бельгійцы также понесли не малый уронъ. Но за каждаго выбитаго изъ строя бельгійца германцы потеряли по крайней мѣрѣ троихъ.

Битва разгоралась по всей линіи. Къ полудню нѣмцамъ удалось подойти къ одному изъ фортовъ и залечь въ мертвомъ пространствѣ, куда не достигали снаряды тяжелыхъ орудій. Здѣсь они считали себя въ безопасности. Они не знали, что ждетъ ихъ. Вотъ они поднялись и бросились къ форту. Одна минута, рѣзкій рокотъ пулеметовъ, и немногіе уцѣлѣвшіе въ ужасѣ бѣгутъ назадъ, оставивъ за собою цѣлыя груды человѣческихъ тѣлъ. Пулеметы вымели весь скатъ, какъ метлой.

Въ это время бельгійская пѣхота, находившаяся въ траншеяхъ не удовольствовалась одной стрѣльбой. Когда нѣмцы подходили ближе, бельгійцы прекращали огонь и бросались на нихъ со штыками. Штыковыя атаки прозиводились цѣлый день. И они наводили на нѣмцевъ настоящій ужасъ. При одномъ видѣ холодной стали германскіе войска, мужественно шедшія противъ пуль, повертывались и бросались въ бѣгство. Многіе же бросали ружья, поднимая къ верху руки и сдавались. Во время этихъ штыковыхъ ударовъ были взяты цѣлыя толпы плѣнныхъ.

Въ ночь съ 23 іюля на 24-е германцы поддерживали по фортамъ неумолкавшую ни на мигъ канонаду. Въ дѣлѣ принимали участіе не менѣе 100.000 человѣкъ. Но форты платили нѣмцамъ съ лихвой.

Весь день 23 іюля штурмъ свирѣпствовалъ съ прежнимъ бѣшенствомъ. Рѣзня, рѣзня, рѣзня.

Два бельгійскихъ летчика поднялись надъ Льежемъ и полетѣли по направленію западныхъ фортовъ. По нимъ открыли огонь и нѣмцы, и бельгійцы принявъ ихъ за непріятеля. Снаряды къ счастью не достигали ихъ, но сотрясеніе воздуха отъ взрывовъ было такъ велико, что аэропланы качало, какъ корабли въ штормъ. Летчики говорятъ, что никакія нервы не въ состояніи вынести этого опыта.

О настроеніи бельгійцевъ свидѣтельствуетъ слѣдующее. Въ въ день битвы въ университетѣ былъ назначенъ выпускной экзаменъ. Намѣревались отложить его до дригого раза, но студенты настояли на немедленномъ экзаменѣ. Изъ университетскаго зала послѣ экзамена они отправились на поле битвы и многіе черезъ нѣсколько часовъ обратились въ безжизненные трупы.

Послѣ двухъ дней сраженія пошелъ дождь, сначала мелкій, а потомъ настоящій ливень. «Это рука Господня,—говорили бельгійцы. — Дороги испортятся и задержатъ доставку осадныхъ орудій». Это вѣрно. Но дождь былъ ужасомъ для ра-

неныхъ, лежавшихъ грудами на полѣ битвы. Бельгійцы сдѣлали все возможное, чтобы облегчить ихъ страданія, но задача слишкомъ огромна и неисполнима. Имъ удалось спасти сравнительно немногихъ. Нѣтъ возможности притти на помощь всѣмъ этимъ тысячамъ и тысячамъ стонущихъ отъ ранъ и истекающихъ кровью жертвъ честолюбія Вильгельма Гогенцоллерна.

ГЕРОЙ ЛЬЕЖА.

«Русскому Слову» телеграфируютъ изъ Парижа, со словъ газеты «Le Petit Parisien», о послѣднихъ часахъ обороны Льежа.

— Герой обороны Льежа, генералъ Леманъ, находится въ настоящее время въ Магдебургѣ, въ качествѣ военноплѣннаго.

Какъ теперь окончательно выяснилось, паденіе Льежа произошло 4-го (17) августа.

Въ тотъ день командующій германской осадной арміей въ послѣдній разъ предложилъ генералу Леману сдать крѣпость. Генералъ отвѣтилъ на это предложеніе категорическимъ отказомъ. Въ это время, однако, положеніе крѣпости было безнадежно. Было немыслимо продержаться хотя бы еще одинъ часъ въ случаѣ возобновленія бомбардировки.

Тогда генералъ Леманъ заперся въ фортѣ Лозенъ, собралъ своихъ офицеровъ и, обратившись къ нимъ просто, какъ къ товарищамъ, сказалъ:

— Вы храбро сражались за нашу дорогую родину. Борьба стала невозможной. Сопротивляться долѣе было бы безуміемъ. И такъ уже довольно пролито крови. Ваша воинская честь незапятнана. Пришелъ часъ намъ проститься и пожать другъ другу руки. Я рѣшилъ умереть здѣсь. Лозенъ будетъ моей могилой.

Тогда всѣ офицеры, охваченные однимъ порывомъ, просили генерала продолжать бой, и всѣ поклялись умереть рядомъ съ нимъ.

Въ послѣдній разъ загремѣли орудія, сотрясая полуразрушенные бастіоны форта. Потомъ они замолчали. И вдругъ раздался ужасный взрывъ. Всѣ въ городѣ Льежѣ, видѣвшіе это, затрепетали отъ ужаса: генералъ Леманъ взорвалъ себя вмѣстѣ со своимъ фортомъ.

Но желанію героя не суждено было исполниться.

Изъ всѣхъ своихъ товарищей онъ одинъ уцѣлѣлъ подъ обломками развалинъ. Истекающій кровью, онъ еще дышалъ. Онъ и теперь живетъ, и, быть-можетъ, жизнь его еще будетъ спасена заботливымъ уходомъ, въ которомъ ему не отказываютъ даже враги. Даже Вильгельмъ отдавая дань уваженія такому противнику, приказалъ возвратить генералу Леману его саблю.

ОСАДА НАМЮРА.

Въ Парижъ прибыло нѣсколько бельгійскихъ авіаторовъ, благополучно улетѣвшихъ изъ Намюра передъ самымъ взятіемъ города.

Летчики разсказываютъ:

— Бомбардировка Намюра началась 6-го августа. Густыя массы нѣмцемъ обложили городъ. Изъ-подъ Льежа была подвезена сильная осадная артиллерія, и начался обстрѣлъ фортовъ.

Поражала великолѣпная освѣдомленность нѣмцевъ во всемъ, что касалось расположенія кварталовъ города. Германцы поддерживали частый концентрированный огонь по самымъ незащищеннымъ мѣстамъ.

Надо было опредѣлить и зафиксировать непріятельскія позиціи. Это было поручено авіаторамъ.

Тайна германской освѣдомленности вскорѣ разъяснилась. Намъ, авіаторамъ, удалось перехватить посланную по безпроволочному телеграфу депешу, адресованную нѣмцами въ Намюръ, своему шпіону. Германцы требовали отъ него болѣе точныхъ сообщеній о позиціяхъ.

Къ сожалѣнію, двое нашихъ товарищей, аппараты которыхъ были подстрѣлены нѣмцами, были вынуждены спуститься въ районѣ расположенія непріятеля. Ихъ схватили и тутъ же разстрѣляли. Остальнымъ, къ счастью, удалось вернуться благополучно въ Намюръ.

Бомбардировка была ужасающая. Въ одинъ фортъ Маршевелетъ нѣмцы выпустили 1,240 крупныхъ снарядовъ и превратили его въ груду развалинъ.

Разрушительная сила обстрѣла была такъ велика, что держаться долѣе въ Намюрѣ было невозможно. Наши войска отступили, взорвавъ предварительно фортъ Коніоле.

Черезъ часъ полчища нѣмецкихъ войскъ уже вступали въ Намюръ.

КОРОЛЬ-СОЛДАТЪ.

Бельгійскій корреспондентъ газеты «Daily Chronicle» приводитъ интересныя данныя объ образѣ жизни въ походѣ короля Альберта.

— Король бельгійцевъ,—говоритъ онъ,—весь день проводитъ среди своихъ солдатъ, успокаивая и ободряя ихъ своимъ присутствіемъ. Онъ ненавидитъ церемоніалъ; онъ предпочитаетъ даже, чтобы его не узнавали, чтобы видѣть вещи такими, какими онѣ являются на самомъ дѣлѣ.

Король одѣтъ въ простую синюю форму, безъ всякихъ орденовъ и регалій, которые подчеркивали бы его высокое званіе.

Это не кабинетный офицеръ. Онъ проводитъ всѣ ночи на бивуакѣ рядомъ со своими храбрыми солдатами. Для переѣздовъ онъ пользуется автомобилемъ, которымъ управляетъ шофферъ-солдатъ. Изрѣдка короля сопровождаетъ какой-нибудь офицеръ.

Король, всегда появляется тамъ, гдѣ идетъ сраженіе. Я много разъ видѣлъ его спѣшащимъ куда-либо по улицѣ того или другого города. Въ суматохѣ и шумѣ войны мало кто обращаетъ на другихъ вниманіе. Короля часто толкаютъ, перегоняя или отстраняя съ дороги.

Еще меньше обращаютъ на него вниманіе во время сраженія. Высокій, красивый мужчина въ pince-nez, одѣтый въ покрытый пылью мундиръ, слишкомъ просто выглядитъ и просто держится, чтобы привлекать вниманіе. Часто можно видѣть его въ госпиталяхъ, гдѣ столько же раненыхъ нѣмцевъ, сколько и бельгійцевъ.

На-дняхъ поздно вечеромъ я набрелъ на короля Альберта. Онъ сидѣлъ у края дороги, кушая бутерброды и запивая ихъ водой изъ солдатской фляжки. Такая спартанская простота—одна изъ его характерныхъ чертъ.

Король ѣздитъ безъ свиты, и когда его автомобиль останавливается гражданской гвардіей или крестьянами, добровольно взявшими на себя обязанности сельской полиціи, онъ предъявляетъ свой пропускъ.

Пропускъ выданъ главнымъ штабомъ и подписанъ начальникомъ штаба. Въ немъ помѣчены: полное имя короля, мѣсто рожденія; профессія: король бельгійцевъ.

ЮНОША-ГЕРОЙ.

(Эпизедъ изъ сраженія подъ Льежемъ).

Каждый день пишетъ бельгійскій корреспондентъ, «The Dialy Telegraph», приноситъ новые случаи героизма бельгійскихъ юношей, почти дѣтей, которые такъ безстрашно рискуютъ во имя независимости ихъ маленькой родины своей жизнью. Къ сожалѣнію до насъ доходятъ слишкомъ немногіе изъ этихъ случаевъ. Большинство юныхъ героевъ либо молчитъ изъ скромности, либо замолкло навсегда.

Почти на моихъ глазахъ капралъ Люпинъ, 18-лѣтній мальчикъ, умеръ героемъ.

Мы расположились на правомъ берегу Мааса, у Бельэра, близъ Жюбиля, въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ германской батареей. Трескъ ружейныхъ выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ не прекращался ни на одну минуту. Я вытянулся рядомъ съ солдатами. Передъ самымъ носомъ сплющивались пули, поднимая тучи песку и грязи. Глаза, ротъ и уши были полны пескомъ и порохомъ. Трупы валялись кругомъ съ лицами черными отъ пороха и искаженными въ ужасную гримасу смерти. Ихъ холодныя руки, со вздутыми жилами, не выпускали своихъ убійственныхъ маузеровъ. Только тутъ я понялъ всю ужасную красоту войны.

Внезапно нѣмцы измѣнили свою тактику и, нужно имъ отдать справедливость сдѣлали искусный маневръ.

Они, какъ будто оставили свои позиціи. Мы могли видѣть, какъ ихъ ряды разсыпались во всѣ стороны, будто бы въ страшномъ смятеніи, но это было сдѣлано затѣмъ чтобы пропустить впередъ примчавшуюся на помощь артиллерію. Черезъ нѣкоторое время было ясно, что съ удвоенными силами они имѣютъ уже значительный перевѣсъ надъ нами и всѣ шансы на успѣхъ.

Вотъ въ этотъ моментъ капралъ Люпенъ и сдѣлалъ то, что спасло насъ отъ пораженія и заставило нѣмцевъ удалиться.

Люпинъ вскочилъ и съ крикомъ: «Предоставьте ихъ теперь мнѣ», съ быстротой молніи бросился куда то влѣво подъ защитой рва.

Маіоръ Жанъ зналъ своего 18 лѣтняго капрала и зналъ, что онъ не рискнетъ своей жизнью безъ нужды.

— Стрѣляйте,—закричалъ онъ,—достаньте эти мѣдные лбы вашими пулями! Пли!..

Тѣмъ временемъ Люпинъ подобрался слѣва къ германской батареѣ и въ 300 метрахъ отъ нея спрятался за стѣной.

Онъ совершенно свободно и хладнокровно прицѣлился

изъ своей засады и подъ огнемъ его маузера быстро свалились командующій офицеръ, два унтеръ-офицера и солдатъ.

Гегманская артиллерія къ этому времени разстрѣляла почти всѣ свои ядра. Ружейные выстрѣлы въ такой близсети внушили имъ мысль, что цѣлый отрядъ находится за стѣной. Они выпустили прямо въ стѣну послѣдній залпъ и отступили.

Подъ облаками рухнувшей съ грохотомъ стѣны погибъ 18 лѣтній герой.

НѢМЕЦЪ О ГЕРМАНСКОЙ АРМІИ.

Незадолго до начала войны въ Германіи вышла въ свѣтъ книга отставного капитана перваго пѣхотнаго полка Ганса Поммера, подъ заглвіемъ: «20 лѣтъ службы пѣхотнго офицера». Въ связи съ развертывающимися событіями эта книга пріобрѣтаетъ значительный интересъ, какъ крикъ отчаянія, вырвавшійся изъ груди германскаго патріота при видѣ нравственнаго разложенія и постепенной гибели былыхъ хорошихъ свойствъ германской арміи.

Однимъ изъ основныхъ золъ германской арміи онъ считаетъ безотчетный культъ дисциплины, доведенной до излишества. Эта дисциплина основана исключительно на страхѣ наказанія и поэтому не можетъ имѣть никакого значенія въ моментъ, когда жизнь поставлена на карту. Горманскія офицеры не имѣютъ накакого нравственнаго вліянія на своихъ подчиненныхъ. Отсюда — великое множество наказаній, налагаемыхъ на солдатъ.

Желѣзная дисциплина убила въ германскомъ офицерскомъ корпусѣ живой духъ инициативы. «Сколько разъ мнѣ приходилось слышать горестныя признанія молодыхъ офицеровъ, что не стоитъ ничего дѣлать, такъ какъ, что бы кто ни дѣлалъ, онъ всегда будетъ неправъ»,—пишетъ въ своей книгѣ Гансъ Поммеръ.

Германскіе офицеры не брезгаютъ никакими средствами, чтобы добывать деньги на свои расходы... Иногда они прибѣгаютъ къ шантажу и угрожаютъ своимъ товарищамъ оглашеніемъ компрометирующихъ исторій, требуя за молчаніе опредѣленную мзду. Они не считаютъ для себя зазорнымъ продавать своимъ товарищамъ по очень высокимъ цѣнамъ завѣдомо никуда негодныхъ лошадей. Это стало бытовымъ явленіемъ въ германской арміи. Недаромъ широко распространена

среди германскихъ офицеровъ слѣдующая поговорка: «Лошадь столько стоитъ, сколько за нее дастъ дуракъ, который ее купитъ».

Пьянство и всяческія половыя извращенія,—вотъ другія язвы германскихъ офицеровъ. Германскій офицеръ, окруженный почтительнымъ удивленіемъ своихъ штатскихъ соотечественниковъ, не устоялъ противъ всесильныхъ соблазновъ огромныхъ городовъ...«

Цѣннымъ ключемъ къ выясненію психологіи германскаго офицерства является то мѣсто книги, которое посвящено описанію прощальнаго обѣда въ Эльзербонскомъ лагерѣ, устроеннаго въ честь уѣзжавшей кавалерійской дивизіи. Духъ какого-то разнузданнаго вандализма вѣялъ надъ участниками этой пьяной оргіи. Офицеры били посуду и статуи, рѣзали картины, разбивали въ щепы стулья, и т. д. Съ нихъ словно соскочилъ тонкій наружный лоскъ цивилизаціи, и изъ-подъ него глянулъ первобытный дикарь, охваченный маніей разрушенія.

Офицеры не даютъ себѣ никакого труда, чтобы скрыть свои пьяныя безумства отъ солдатъ. Само собой разумѣется, что давно уже среди солдатъ палъ былой культъ уваженія къ начальству.

Свою книгу Поммеръ заканчиваетъ призывомъ къ нравственному обновленію всей, сверху до низу, германской арміи. Благопожеланія германскаго офицера, имѣвшаго мужество честно и прямо бросить въ лицо германскому офицерству слова тяжелой истины, не успѣли претвориться въ жизнь. Грянула война, и германскіе офицеры въ лицѣ Прейскера, фонъ-Цоллерна и другихъ, явили міру зрѣлище глубокаго моральнаго паденія.

СОДЕРЖАНІЕ.

